

ОАЕФ ПОММАМ

ЛЕАЯННІЕ
КВІЛІВІ

16+

Олег Фомин

Ледяные крылья

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Фомин О. Г.

Ледяные крылья / О. Г. Фомин — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Льдом и мечом 2. Зарах мертв, война с демонами окончена, ураган сражений сменился неспешным течением мирной жизни. А покоя в сердце Эгорда нет. Боль утраты. И память - как дурманящее пойло. Но судьба дарит шанс отомстить. На сей раз – по-настоящему.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	24
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Часть 1

Глава 1

Каюта покачивается.

Океан взволнован, думает Эгорд.

Вслушивается в глухие бумы, поскрипывания: по деревянному муравейнику бродят жрецы Светлого Ордена. Матросы Орденскому судну не нужны, корабль плывет на магической силе, прочие заботы тоже решаются заклинаниями.

На трех ящиках лежит матрас, на матрасе – Эгорд. Руки за головой, взгляд изучает узоры на досках и брусьях. На Эгорде белая рубаха, серые штаны, тонкий матерчатый пояс. Одежда просторная, ноги босые. Когда львиная доля жизни проходит в доспехах, хочется свободы, простора.

Доспехи в углу на каркасе, повторяют форму человека, словно в них вселился невидимый призрак. Чешуйчатый панцирь, слои наплечников, многочисленные пластинки рук и ног, налокотники и наколенники, высокие стальные сапоги... Все сидит так, как сидело бы на Эгорде. Однако ножны пусты.

Меч лежит рядом с хозяином, пропитанный чарами клинок освещает каюту мягким солнечным светом. Такова участь воина-мага. Обычно мужчины делят ложе с женами и любовницами, а Эгорд вынужден спать с мечом, битва может застигнуть в любую, даже самую спокойную минуту...

От указательного пальца левой руки начинает исходить тепло.

Эгорд вытаскивает руку из-за головы.

Кольцо под названием Око Асимиры мерцает золотым светом.

– Эгорд, это я, Тиморис, – говорит кольцо.

– Знаю, что ты, – вздыхает Эгорд. – Никуда от тебя не денешься. Беспokoишь по двадцать раз в сутки...

– Волнуюсь за друга, между прочим!

– Океан тоже волнуется. И тоже весьма назойливо. И меня подташнивает. Улавливаешь? Волновался бы в меру, а то, знаешь ли...

– Ладно тебе! Будешь на острове уже сегодня, давно не виделась, переживаю!

– Не преувеличивай. Подумаешь, отбыл на месяц, а он уже соскучился, видите ли.

– Между прочим, из царства демонов твою задницу вытаскивал, рисковал своей! Вдумайся, рисковал не выпить еще бесы знают сколько бочек вина, не полюбить еще армию красок! А все из-за тебя...

– Хорошо, хорошо... Как остальные?

– Да никак. Клесса не вылезает из мельницы, Камалия не вылезает из головы Клессы, Леарит не вылезает из галереи на пятом этаже. Хотя нет, иногда вылезает – полетать над островом. Красиво летает...

Эгорд вздыхает с мечтательной улыбкой.

– Верно...

Тиморис ехидно посмеивается.

– А по ней-то соскучился, гад! Ну и замашки, приятель, если уж влюбляться – так в богино, не меньше...

– Не мели чепуху! И вообще, спать хочу, не мешай...

– Ладно, не буду нарушать священный покой. И шальные мыслишки о Леарит тоже, хе-хе! Эгорд хочет выругаться, но Око Асимиры гаснет. Тимориса на связи уже нет.

Ничего, отвесит этому остряку подзатыльник совсем скоро, плавание и впрямь подходит к концу. Путешествие вышло размеренное и плодотворное, Эгорд получил много впечатлений. Не говоря о ресурсах.

Переговоры со Светлым Орденом прошли успешно. Во многом благодаря тому, что во время войны с демонами Эгорд вызволил из плена огромное число жрецов. Светлый Орден одобрил идею Эгорда, выделил часть запасов, снарядил корабль для перевозки груза на остров.

Водный путь Эгорд коротал наблюдением за красотами океана, чайки изощрались в выпрашивании чего-нибудь вкусенького, жрецы развлекали беседами на краю палубы или в каюте за кружкой терпкого напитка. Эгорд разговорился со старшим жрецом Халлигом, нашли общий язык. Халлиг помог вникнуть в азы магии телекинеза.

За тренировками сего искусства Эгорд и провел основную часть плавания. А сейчас нужен отдых, телекинез, как и вся магия Светлого Ордена, выматывает, особенно новичков, хотя Эгорд привык, да и воинский опыт не прошел зря, Эгорд научился быть выносливым и упорным.

Веки слипаются...

Но страшная сила заставляет вскочить, Эгорд ударяется головой о потолок, кисть впирается в рукоять меча, острая солнечная сталь покачивается в воздухе, но врагов не находит, Эгорд взмокший, пытит словно изрубил сотню демонов.

Туловище опирается на дрожащую руку, та слабеет, Эгорд падает на матрас, грудь часто вздувается и опускается, ноздри пытят...

Вновь приснился кошмар.

Даже два.

Сперва воспоминание, где Зарах отрывает Витору ноги...

А затем...

Обычно люди не помнят первые годы жизни, или помнят, но очень смутно, и Эгорд не исключение. Но Эгорд отчетливо помнит ее первые минуты.

Рад бы забыть, да не выходит.

Так случилось, что рождение чуть не закончилось смертью, те картинки помнятся хорошо, можно смело за холст, писать маслом, даже без навыков рисования получится. Но смело не выйдет. Эгорд содрогается всякий раз – не телом, так нутром, – когда память вклинивает в поток мыслей первые мгновения жизни. Пустыню в закате, где появился на свет, ее медный оттенок, сине-золотую прослойку между горизонтом и небом, чистым как стекло, песчаные волны по барханам...

Мать Эгорда, а тогда еще безымянного окровавленного младенца, выпустила дитя из чрева и умерла. Эгорд так и не узнал, кто она, почему и как оказалась среди пустыни...

А первым, кого Эгорд увидел, чьи объятия ощутил, был гигантский пустынный скорпион.

Закованное в черные панцири существо размером с собаку забралось на него, обняло тремя парами конечностей, а четвертая неспешно смыкала и размыкала клешни, огромные, тяжелые, как баклажаны, скорпион будто думал, с чего начать.

Эгорд надрывно плакал, исходившее от кошмарной мамы холодное тепло – иначе не скажешь! – дико не нравилось, но слабенький новорожденный был бессилён. Не забыть страшного черного лица... Или морды? Нет, все же лицо, но чуждое человеческому, отторгающее. Над фоне закатного света извивался ужасный черный червь, жадно ронял слюну... То был скорпионий хвост, с него капал яд, каким-то чудом ни одна из капель не попала в младенца, все падали в песок, скорпион целил в голову...

На том жизнь бы и закончилась, но рядом проезжал торговый караван, в его числе была жрица Светлого Ордена, она скорпиона и согнала.

Когда Эгорд достиг более-менее сознательного возраста, узнал, что жрица нашла его рядом с трупом матери, та была в простой одежде, как раз для той местности, иных вещей не

было, но пуповина была перерезана, а клешня пятывшегося от жрицы скорпиона блестела от крови. Конечно, у твари и в мыслях не было отделять младенца от мертвого тела, так скорпион начал трапезу, но обрезал на редкость удачно, как опытная повитуха. Жрица назвала малыша Эгордом, что на древнем языке значит «Жизнь, рожденная смертью».

Детство было ярким. Юный Эгорд часто был свидетелем увлекательных и опасных, порой страшных событий, но судьба щадила от участия. Видел много смертоносных сражений: нападения разбойников, стычки феодалов-соседей, охоту диких зверей на заночевавших в походе путников, а еще эпидемии, стихийные бедствия, не говоря о войнах. Мир никогда не отличался долгим спокойствием, а кроме распрей между людьми, есть войны более кровавые. У мира много могущественных врагов: полудикие племена монстров, темные маги, некроманты, демоны, и все жаждут разрушения, власти.

Приходилось наблюдать, как демоны убивают людей, темные маги убивают светлых жрецов, пираты убивают мирных жителей, болезни и некроманты убивают все живое, в общем, круговорот смертей в природе. Но Эгорд никогда не оказывался в центре этих ужасных событий, боги хранили, но щедро кормили впечатлениями, вынуждали смотреть широко раскрытыми глазами, замирать от страха, осмысливать.

Лишь одно событие касалось Эгорда прямо, вызывало слезы, повторялось часто.

Потеря приемной матери.

За двенадцать лет детства – двадцать три приемные матери. Каждая окружала любовью и заботой, но, словно по воле заколдованного злого случая, следовала неизбежная разлука. Почти всегда причиной было кровопролитие, от налета разбойников до большой войны, заставляло спасаться, бежать, и хотя Эгорд отчаянно рвался защищать семью, приемная мать делала так, что Эгорд оказывался от нее отрезанным, но спасенным, а она жертвовала ради него благополучием, порой и жизнью.

Двенадцать лет судьба была похожа на цепочку, но, кроме крутых поворотов на пересечении звеньев, когда приходилось навсегда расставаться с очередной матерью, жизнь была прекрасной, сами звенья нравились.

С матерями везло несказанно, каждая любила Эгорда как родного, будь то бедная крестьянка или графиня. Мамы одаривали изобилием внимания, было много игрушек, братья и сестры, веселые забавы с друзьями. Рано научился быть благодарным, рвался помогать, даже если не требовалось, частые потери близких из-за войн, налетов, катастроф, других бед вынудили быстро понять: мирная сытая жизнь и тепло окружающих – большая ценность, надо успеть сказать «спасибо» поступками, остаться в памяти людей, пока не случилось новое несчастье.

С приемными отцами удача не сопутствовала. Окружавшие мужчины были равнодушны, отцовских чувств не проявляли, а если бывало, то лишь чтобы произвести впечатление на притягившую Эгорда даму, мальчик чувствовал фальшь и холод. Конечно, свыкся, но отца все же не хватало, втайне лелеял мечты, где воображаемый отец учил сражаться на деревянных мечах, катал на лошади, они вместе что-то чинили, рыбачили, охотились... Любви было в избытке, но некому было подбодрить по-мужски, научить терпению, стойкости, решительности, закалить волю, характер, не с кем было бороться против своих страхов... И приходилось воспитывать себя самостоятельно. Самого себя подбадривать, поддерживать, воодушевлять, принимать решения. А экзаменом была очередная война, эпидемия, атака бандитов, расставание с матерью.

Но однажды бесконечную цепочку мам сменил отец.

Глава 2

То был самый страшный день после дня рождения.

Корабль с переселенцами, на котором Эгорд и последняя мама хотели уплыть на другой край света, начать новую жизнь, едва успел отчалить, как его поймал спрут.

Бревна и доски лопались в щупальцах так, что у Эгорда чуть не взорвалась голова, мальчик рухнул в океан, волны понесли прочь от пиршества исполинского кальмара, выбросили на берег острова.

Мальчик прокашлялся соленой водой, не успел толком осознать, всплакнуть по матери, а глаза уже встретились с гигантским скорпионом!

Тварь была взрослой, размером с корову, ползла к добыче вдоль берега, лапы вспахивали мокрый песок, давили в прах трухлявые бревна, клешни нетерпеливо расшвыривали попадавшие на пути тяжеленные булыжники, а хвост извивался высоко над землей, как кнут разъяренного работягу.

Надо было встать, бежать в океан, скорпионы плавать не умеют, а в воде можно было проплыть вдоль берега, вылезти в безопасном месте...

Но страх убил здравомыслие мгновенно.

Превратил в затравленного зверька, ноги и руки стали тряпичными, только и могли суматошно дергаться, грести, отталкивать туловище назад, мочевой пузырь опустел, плоть перестала ощущаться, будто Эгорд сделался призраком.

Глаза от страха были как пузыри, взгляд не мог оторваться от надвигающейся черной смерти, скорпион оказался почти вплотную, огромный как скала, мерзкие жвала шевелились в предвкушении часто-часто, Эгорд увидел в черной клешне выпуклое перепуганное отражение, хвост готов был проткнуть хрупкую жертву насквозь...

Но из океана на тварь бросился юноша, меч отсек скорпиону хвост у основания, пригвоздил сплюснутую многоглазую голову к песку.

Юноша навалился всем телом, скорпион отчаянно брыкался, лапы расшвыривали влажные песчаные комья как пух из распоротых подушек, часть песка в этой кошмарной мельнице успела раскалиться, просохнуть, укрыть берег пыльным облаком, клешни молотили, оставляли глубокие ямы, а отрубленный хвост извивался в агонии, мог случайно зацепить смельчака ядовитым жалом, но юноша был тверд, прижимал скорпиона к берегу, пока тот не обмяк.

Так судьба свела с Витором. На погибшем корабле тот был матросом.

Помог Эгорду подняться, мальчик был скован страхом, не осознавал, что творится вокруг, наверное, казалось, что скорпион заколол и загрыз, но прийти в себя Эгорд все-таки смог... Точнее, вынудило зрелище в океане.

Спрут доламывал судно, до берега долетал треск. Громадный серый цветок закрывался и сминал «лепестками» корабль как зазевавшуюся бабочку. Не спрут, а серое пламя – медлительное, но плотное, гибкие языки скручивали паруса и мачты как бумагу и соломинки. Волны разносились от этого пира угрожающими ревушими кольцами, вокруг монстра роились тучи брызг.

А над ним парила черная точка.

Человеческая фигура.

Архимаг Темного Ордена. Он и натравил спрута на корабль.

Но в те минуты на ненависть сил не осталось, сердце было истощено горем утраты, вода на лице помогала скрывать от спасителя слезы.

Больше не выжил никто, на берег с обломками и вещами выбросило несколько трупов, Эгорд узнал рулевого, остальные исчезли в пучине океана или в брюхе спрута. Храбрый мат-

рос Витор с мальчиком прошлись вдоль берега, собрали, что уцелело: еду, бутылки с питьем, оружие, одежду, веревки, драгоценности...

Солнце до вечера томно и равнодушно наблюдало, как выжившие хоронили погибших, Витор выцарапал на могильных булыжниках все, что сумел вспомнить о несчастных, Эгорд дрожащими губами произнес молитву, в глазах щипало.

Витор с первых мгновений появления и затем, когда почти весь день копали ямы, хмурым не выглядел. Грубоватый и веселый – его обычное состояние. Умудрялся шутить, подбадривать раздавленного мальчишку, а если тот сильно замыкался в переживаниях, Витор сурово порывкивал, нагружал юнца работой, чтоб дурью не маялся, от страданий толку ноль.

В итоге, Эгорд взял себя в руки, успокоился: маму терять не впервой. Ужасно, но привык. Более-менее. Человек, гадина такая, привыкает ко всему.

Однако ночью у костра, когда Витор мастерил из пластин убитого скорпиона доспехи, Эгорд лежал, свернувшись, на пустом мешке, из глаз на ткань лился теплый соленый ручей, грудь то и дело вздрагивала. Океан рокотал, над головой колыхались пальмовые листья, стрекотали какие-то ночные букашки, ветер подвывал траурно. За спиной пощелкивали инструменты, Витор что-то напевал под нос, как ни в чем не бывало собирал из ремней и черной скорлупы непробиваемую тунику.

А Эгорд мысленно вопрошал богов: за что? Когда невыносимая череда потерь закончится?!

– Эй, паренек, – сказал Витор бодро, – примерь обновку.

Рядом с Эгордом упало что-то, в воздух поднялась тучка песка, мальчик закашлял. Темный, как ночь, предмет оказался доспехами из скорпионьих члеников с хвоста, лап, жвал и других мест, где они мелкие. От мысли, что сущность твари, которой страшится больше всего, будет соприкасаться с кожей, Эгорда передернуло, в памяти вспыхнули мерзкие ощущения, когда скорпион обнимал младенца лапами...

– Не хочу, – ответил Эгорд. – Давай завтра, сейчас не до того...

– А до чего?

Витор уселся рядом, скрестив ноги. Начал теребить мальчика за плечо.

– Пока не выговоришься, хорошо не станет. Это как после отравы проблеваться. Валяй...

И Эгорд рассказал. О том, куда они плыли, какой была последняя мама, кто были остальные двадцать две, как складывалась жизнь с каждой, что заставляло бросать семью и бежать... Только умолчал о рождении в лапах скорпиона, о страшной неприязни к ним.

Витор за это время подбросил хворост в костер не меньше десяти раз, иногда Эгорд прерывался вытереть слезы, иногда останавливал Витор, чтобы накормить сготовленными на огне припасами с корабля, дать промочить горло. На небе успели расцвести звезды и луна.

Рассказ мальчика подошел к концу, Витор озадаченно почесал в затылке.

– Вот как... Ну и везунчик, парень!

– Не понимаю...

Эгорд подумал, издевается. Выложил всю душу, столько матерей погибло, а он...

Юноша усмехнулся.

– Завидую, вот что. Двадцать три мамки, это ж надо, а! А у меня за всю жизнь ни одной...

– Как?!

– А так. Семнадцать отцов! Сильных, умных, храбрых, душевных, всем бы таких... а мамки не было. Всегда мечтал...

Эгорд растерянно опустил взгляд, к ногам подлизывались широкие тонкие пленки волн, на кайме лопались пенные пузырьки, в жидких зеркалах отражались ночные небеса – яркие жемчужины звезд и темная глубина Вселенной.

– А я мечтал об отце.

Витор засмеялся.

– Значит, мы два сапога пара!

И Витор рассказал Эгорду о своей жизни. О семнадцати отцах, среди них были: светлый жрец, бард, стражник, конюх, кузнец и другие. Витор рассказал о жизни под крылом каждого, и впрямь были храбрые, сильные, каждый был по-своему добр, если не снаружи, то в глубине души. Каждый любил, оберегал Витора, передал каплю силы, отваги, мудрости, доброты... Пока Эгорд слушал, к горлу подступал комок – именно о таких отцах всю жизнь мечтал!

А еще Витор поведал, что всегда не хватало материнской нежности. Закалка закалкой, но все-таки крайность, когда человека воспитывает только мужская суровость, без женского тепла. Но так сложилось: утешительную женскую поддержку Витор получал разве что от подружек детства по играм, а возмужав – от мимолетных девиц. Покинув дом последнего отца – пещеру мага-отшельника, – Витор бродил по миру с мечом за спиной, истреблял всякую нечисть, по зову сердца или за плату, но часто два мотива совпадали. Тем и жил.

Витор похлопал по новеньким черным доспехам из больших пластин скорпиона.

– Вот и сегодня одной нечистью меньше. Хотя не такая уж нечисть, зверюга охотилась, добывала пропитание, винить не за что. И спрут, который корабль слопал, если подумать, такая же невинная зверюга. Настоящая нечисть – темный маг, подчинил волю спрута, натравил... Я подумывал стать светлым жрецом, сражаться с Темным Орденом от имени богов и света, но нет способностей к магии. К тому же, для жреца слишком пафосно на соблазны. Но меня устраивают и мои соблазны, и мое желание противостоять злу. Если сам не могу быть светом, то хотя бы могу защищать свет от тьмы.

– Вот бы и мне так, – зачарованно протянул Эгорд.

– Что?

– Бродить по миру, сражаться со злом...

Витор усмехнулся.

– Дело нехитрое. Научу, если хочешь.

– Хочу!

– Тогда надевай.

Витор кивнул на скорпионьи доспехи из мелких пластинок.

Эгорд замотал головой.

– Не хочу.

– Чего не хочешь? Бороться со злом?

– Нет, со злом бороться хочу! Надевать не хочу...

– Почему?

– Я это... скорпионов... на дух не переношу.

Витор вздохнул.

– Боишься, значит.

Эгорд понуро кивнул.

– Страх, – сказал воин, – первое зло. Давай, парень, поднимайся, будем с твоим первым врагом биться... Давай-давай, через «не хочу», там легче станет!

Глава 3

И Эгорд отправился за Витором в странствия, полные опасностей и приключений. Много скитались по миру, Эгорд повидал города, селения, крепости, трактиры, магические башни. Судьба заносила в дремучие леса, топкие болота, красочные и ядовитые джунгли, клыкастые пещеры, раскаленные пески. Везде поджидали логова чудовищ, засады разбойников, а еще были темные маги, демоны, мертвые порождения некромантов. В большинстве случаев Эгорд и Витор выходили победителями.

В походах и между Витор учил Эгорда сражаться, тот был учеником хорошим, по крайней мере, по мнению Витора, но сам Эгорд доволен не был.

Из-за скорпионов.

Научившись побеждать могущественных врагов, Эгорд боялся самых обычных скорпионов, с дамскую тувельку, что уж говорить о гигантских. В битвах с этими тварями Эгорд, как правило, давал трусливую слабину, Витору приходилось вмешиваться, выручать. После позорного поражения от скорпионьего племени Эгорд копил гнев на себя, тот выплескивался в следующих битвах на врагов, Эгорд сокрушал целые отряды с таким безрассудством, что те, кто наблюдали со стороны, считали величайшим храбрецом, героем среди героев... Знали бы, какая постыдная память была причиной геройства...

Однажды Витор тренировал Эгорда на краю кратера вулкана. Твердь под ногами то и дело угрожающе встряхивалась, из кратера валили черные тучи пепла, трещины на дне кровоточили густой лавой, вулкан готов был в любой момент прорваться, Эгорд и Витор дышали металлическим жаром, по коже катились горошины пота, но клинки звенели снова и снова.

Витор вновь коснулся лезвием скорпионьего панциря, в котором был Эгорд.

– Отлично! – хвалил Витор. – Еще раз!

Мечи вновь скрещивались, Эгорд кидался в атаку с яростью, потому что днем ранее опять напугал маленький скорпион. Сталь прозвенела очередью, излила искры, острие меча Витора ткнуло Эгорда в живот, но глухой звук удара о скорпионьи щитки утонул в новом грохоте: вулкан сердился.

– Молодец! – выпалил Витор. – Еще!

Эгорд задыхался.

– У меня... ничего... не выходит...

– Ты хорош в атаке, но мало уделяешь внимание обороне. Потому и проигрываешь. Но это поправимо. Продолжим!

И они продолжили. Продолжение растянулось на долгие и весьма увлекательные годы.

За это время в какие только приключения не попадали! Пробирались за сокровищами в гнездо виверн, спасали баронессу от брака с графом Дасаном Жабоглотом, выбирались нагишом с праздника диких людоедских племен, ели на пиру Темного Ордена, переодевшись темными магами, чтобы раздобыть тайные сведения...

Нашли для кузнеца солнечное железо, из него кузнец сковал мечи и два комплекта доспехов, их чешуя была по форме как скорпионьи пластинки прежних доспехов, но не из черного хитина, а сверкающей солнечной стали.

А еще Витор и Эгорд спускались на морское дно за огненными жемчужинами, подвешивали за ноги на деревьях разбойников в качестве подношения гигантскому лесному боже-ству одного дружественного народа, добывали свиток с украденной песней для прославленного барда Войлена...

Эгорд втайне мечтал стать бардом. Нравилось слушать песни в трактирах, на городских площадях, в караванах... Барды везде к месту. Эгорд всерьез готовился стать одним из них,

внимательно слушал, сравнивал творчество мастеров, выбирал свободные минутки, дабы сочинять, но Витору почему-то не решался даже намекнуть.

Часто друзья выполняли задания Светлого Ордена. Жрецы снабжали ценными сведениями, артефактами, лечили раны и болезни, а иногда сопровождали в очередном мероприятии.

Таких, как Витор и Эгорд, сторонников света, добра и порядка, жизнь которых, однако, не дотягивает до праведной, при Ордене хватает: воины, алхимики, маги, барды, кузнецы, торговцы, – равнодушные встречаются среди всех слоев. Им Светлый Орден выдает опознавательные мантии – серебристые, на блестящем полотне вышит знак солнца: круг с лучами в виде протянутых рук помощи. Но мантии положено носить, когда приверженец выполняет поручение Ордена или творит благое дело по зову души. Распивать вино по тавернам с девицами на коленях, само собой, лучше в какой-нибудь другой мантии или вовсе без.

Главным врагом Светлого Ордена, разумеется, всегда был и остается Темный Орден. Светлые жрецы и темные маги сотни лет сокрушают друг друга, стороны поочередно склоняют чашу весов к себе, но в целом хранится баланс. Порой шаткий, но все же...

С мечами, артефактами и священными мантиями Витор и Эгорд истребляли скверну не только в дальних уголках мира. Зло не дремлет даже в сердцевине света, в крупных городах, под самым носом Светлого Ордена. Эгорд и Витор ловили воров, расправлялись с грабителями, отправляли на покой вышедших из-под контроля живых мертвецов, помогали жрецам пресекать страшные замыслы темных магов и, конечно же, убивали демонов, которые телепортировались из потустороннего царства огня и лавы.

Старг, любимый город. Один из самых крупных на материке. Пришелся по душе не только из-за красоты. Сколько обуви Эгорд стоптал, утопил, сжег, порвал в пастях чудовищ, скитаясь по кровожадным землям, а здесь всегда спокойно, можно об опасностях не думать. По крайней мере, мысли о ноже из-за угла или ловушке под ногами тут не такие навязчивые. В Старге меньше всего происшествий, даже демоны появляются на улицах и в домах крайне редко. Старг – один из самых прочных оплотов Светлого Ордена, здесь очень много жрецов, храмов, людей, которые чтут богов.

Однажды в судьбе Эгорда случилось плавание, которое изменило его жизнь.

Путь к рифам сирен вышел крайне опасный – Эгорд висел на волоске от гибели, – но и самый прекрасный.

Витор спас. Если бы минутой позже, кости Эгорда до сих пор лежали бы на рифах, трескаясь под жаркими лучами и размываясь солеными брызгами океана...

Эгорд потерпел сокрушительное поражение, но тот случай был единственным, когда Эгорд радовался, что проиграл. Поражение обернулось победой.

После судьбоносного приключения Эгорд в одночасье, даже с легким сердцем расстался с мечтой стать бардом. Минуты на краю пропасти указали истинное предназначение.

Магия.

Причем не какая-нибудь, а магия льда.

Эгорд крепко взялся за обучение, но, как и в случае с музыкой, учился тайно, Витор ничего не подозревал. Почему скрывал от лучшего друга, который был отцом и старшим братом, сам толком понять не может. Почему-то думалось, Витор осудит или посмеется, хотя Витор всегда понимал, помогал разобраться в себе. Никогда бы не отнесся с пренебрежением к делу Эгорда, если бы только оно не было ерундой.

Но ледяная магия – не ерунда! Невероятно красивое искусство, к тому же – дарит удивительные возможности. Эгорд добывал и покупал учебники, дневники магов, свитки, клочки бумаги, все источники, что хранили знания о магии льда.

Любая магия, кроме темной, крайне сложна, без наставника учиться тяжело, но пришлось самому: гордость нашептывала, чтобы покорил сию вершину без поддержки, своими силами. Вчитывался, вникал, зубрил, сравнивал, но решающую роль всегда играет практика.

Постоянно был настороже, чтобы выудить удобное время, улизнуть от Витора в место, свободное от чужих глаз, применить выученное заклинание, отточить до совершенства.

Прошло десять лет приключений и тайных уроков.

Эгорд овладел не только ледяной магией, но и другими ветвями магической науки, например, ночное зрение и управление погодой, уделил внимание алхимии, смог обучиться изготовлению целебных мазей, зелий бодрости и силы. Удалось зачаровать меч и доспехи, они стали прочнее, устойчивее к холоду и жару, но главное – в них можно было помещать заранее созданные заклинания, чтобы в бою, когда на счету каждый миг, не творить ледяной шар или снежную бурю с нуля, а лишь «спускать с поводка». Правда, применял магию, когда рядом не было Витора. А в паре с ним, дабы себя не выдать, приходилось обходиться мечом, кулаками и подручными средствами.

Но однажды пришлось себя разоблачить.

Эгорд и Витор охотились на оборотня. Вышло бы как обычно, если бы не потеря бдительности. До того друзьям попадались только молодые, не слишком опытные оборотни, стало казаться, других и не бывает. Оборотень попался старый, крупнее раза в три. Набросился неожиданно, сбил с ног, охотники растеряли мечи. Эгорд валялся в стороне, а оборотень навис над Витором, лапища уже летела сверху вниз с быстротой сокола.

И Эгорд превратил огромную клыкастую тушу в ледяную статую.

Когти уже вошли в кожу под ключицей Витора, еще бы долька мгновения – и вонзились бы в сердце.

Жрецы Светлого Ордена исцелили Витора от заражения крови, на груди остался красноватый шрам, воин устроил другу и подопечному разговор.

– Так ты маг? – спросил серьезно.

Эгорд кивнул. Было почему-то стыдно.

– И давно это с тобой?

– Лет десять.

– А чего молчал?

– Не знаю...

Беседа вышла долгая, пришлось выложить эпическую хронику самообучения тайком от всего мира... Рассказ закончился, Витор долго и сурово молчал, задумчивый взор обращался то к земле, то к небу, то за горизонт...

– Знаешь, дружище... – вдруг сказал весело. – Пора нам осесть!

И отправились в Старг.

За жизнь скопилось немало монет, драгоценностей, дарственных свитков, еще чего-нибудь, в общем – безбедная старость обеспечена. Но в странствиях друзья были неприветливы, тратить особо было некуда, половину вознаграждений за борьбу с нечистью раздали нуждающимся, а другая половина хранится по всему миру в городских банках, недвижимости или просто зарытой под каким-нибудь дубом.

В Старге купили старинный двухэтажный особняк, когда-то принадлежал знаменитому стихийному магу, хозяин десять лет назад таинственно исчез. Главным богатством дома была библиотека на втором этаже.

– Вот здесь и черпай знания, – сказал Витор. – Тут и алхимическая лаборатория. Поселюсь на первом этаже, ты – здесь, а мансарды расчистим под площадку для тренировок, будешь отрабатывать магические приемчики.

Бродячие воины остепенились. Носить серебряные плащи и служить Светлому Ордену продолжили, но лишь в пределах Старга и окрестностей. Всего-то забот – патрулировать улицы одного из самых спокойных городов мира.

В общем, началась жизнь мирная.

– Эгорд, – обратился тогда Витор, – поклянись, что больше никогда не возьмешься за меч.

– Что?

– Мы прошли вдоль и поперек весь мир, истребили столько злобных тварей, что наберется на имперскую армию, но... путь воина – это путь разрушения. Он закаляет тело и дух, но ничего не создает. А ты, чувствую, рожден для большего, чем резанье глоток и испаривание животов.

– Но...

– В тебе искра творца, зерно божественного замысла, ты должен его осуществить. А меч будет соблазнять вернуться на путь воина, разрушать всегда легче, чем создавать. Поклянись, Эгорд, что не возьмешь меч.

И Эгорд поклялся.

Замуровал доспехи и меч за подвальной стеной, погрузился в изучение ледяной магии и алхимии с головой. Библиотека и впрямь оказалась прекрасной, не только внешне, но и содержанием, под выпуклыми разноцветными корешками книг покоились труды магов, бесценный опыт, за каждой страницей кусок чьей-то жизни, отданный мучительным думам, рискованным экспериментам, испытаниям в опасных боях, жарким спорам и разногласиям...

Заклинания практиковал в мансардах, но зачастую приходилось отправляться за город, в поле: заклинания очень уж обширного действия, сложные, да еще в руках малоопытного самоучки, Эгорд опасался за сохранность дома.

Меч сменился книгами, но Эгорд оставался грозным воином. Изучение магии в сочетании с навыками воина сделало отличным боевым магом, алхимия подарила неплохие умения лекаря. Служил Светлому Ордену, патрулировал улицы Старга, иногда с Витором, иногда с кем-то иным, а порой один.

Мастерство день ото дня росло, годы странствий и битв не прошли зря, выносливость и упорство помогали овладевать сложными заклинаниями и формулами.

Эгорд укрощал лед, проникал в тайны алхимических реакций, жажда познания размывала границы времени, дни и ночи текли незаметно. За два года опытов Эгорд научился создавать ледяные скульптуры любых форм и размеров, может сделать ледяную копию чего или кого угодно с ювелирной точностью, а сам лед обладает удивительными свойствами: может не таять на солнце, преломлять свет как в бриллиантах, и много другое.

Слава об искусном ледяном скульпторе Эгорде разлетелась по городу быстро, от заказов не было отдыха, делал изваяния для зажиточных и бедных, для садов и дворцов, площадей и бальных залов. Деньги значения не имели, каждый платил в меру чувства благодарности, это куда важнее: по тому, как сильно творение взволновало зрителя, Эгорд судил, насколько хороший он маг.

Витор и Эгорд, Эгорд и Витор... Больше, чем друзья. Эгорд привык, что их всегда двое. Один без другого словно калека без руки и ноги.

Но их стало трое.

Глава 4

Как-то в грозу Эгорд отправился за городские ворота на Земляной Гребень, высокий обрывистый холм. По легендам, тот появился во время войны с некромантами: страшное заклинание попало в склон, сожрало часть земли, возник обрыв.

На вершине росла старая высокая вишня, посадили в честь окончания войны. С Земляного Гребня открывается чудесный вид на леса, но Эгорд взбирался на холм не только ради красот. Земляной Гребень – излюбленное место тренировок, под вишней Эгорд отрабатывал ледяную магию.

В тот раз сопровождал Витор. Другу нравилось созерцать, как из ниоткуда рождаются с мелодичным перезвоном и хрустом поражающие воображение фигуры льда, как лучи света разливаются из ледяных кристаллов радужным фонтаном. Кроме того, Витор освежал в памяти Эгорда приемы рукопашного боя: магия магией, а простейшие навыки защиты терять нельзя, в конце концов, Эгорд – еще и патрульный.

С подножия холма заметили, что на вершине, у вишни, на самом краю обрыва, – девичий силуэт: длинные пышные волосы, черные выюны локонов колыхал ветер, белое платье с короткими воздушными рукавами, узкая талия в зеленом корсете, темно-синяя юбка. Девушка стояла спиной к мужчинам.

– Кажется, будет прекрасная компания, – сказал Витор мечтательно.

– Любуется видом с холма? – предположил Эгорд, сам себе не доверяя.

– Похоже на то.

– В такую погоду?

А погода и впрямь была далеко не прогулочная. Ветер завывал, по небу полз тяжелый темный ковер туч, между его лоскутами вспыхивало, раскатывались сердитые рыки с эхом. Дождя пока не было, но водная стихия вот-вот должна была обрушить гнев...

Начали взбираться. Когда половина холма была преодолена, Эгорд заметил, что незнакомка дрожала, после каждой молнии, каждого громового раската подпрыгивала, едва заметно, словно отчаянно сдерживалась.

Друзья переглянулись.

Крадучись зашли со стороны, высокая трава и кусты их прятали, листья качались, открывали силуэт девушки в профиль. Носочки туфель вылезали за край обрыва, лицо было бледное, глаза со смертельным ужасом косились вниз.

В руке был кухонный нож, лезвие вжималось в запястье другой руки.

– Хочет свести счеты с жизнью, – сказал Эгорд.

– Дуреха!

– Переговоры уже не помогут. Нас заметит, резанет по венам. Или с обрыва. Надо спешить, только осторожно...

– Берем в клещи, ты отсюда, я сзади. Успеть бы...

– Если что, перехвачу ледяными оковами.

Опыт приключений, где хватало и диверсионных вылазок, помог друзьям подкрасться шагов на семь. Девушка резко начала разворот, но за миг до окончания Эгорд и Витор накнулись как рыси на охоте.

Хрупкая внешность девицы оказалась обманчивой. Спасители не ожидали яростного сопротивления, бестия в невинном облике брыкалась, изворачивалась, Эгорд раз десять ощутил болезненные укусы, по ребрам и черепу прилетали неумелые, но подпитанные злостью удары.

– Пустите! – кричала девушка. – А-а-а, на помощь!

– Мы и есть помощь, дура! – орал Витор, но в шлем заряжали кулачки.

– Помогите, грабят, насилуют!

Эгорд пытался удержать за плечи, его мотало словно в пасти у гидры.

– Тише! Кому ты нужна, угомонись!

– Бандиты, я вас всех... Ррра-а-а-а!!!

Хорошо, никто не видел. Два бывалых воина, здоровенные мужики, кое-как держали малявку, будто накинули мешок на воронку смерча. Даже обезоружить не могли, нож по-прежнему сверкал в лапке, хотя было видно, что у девчонки боевых умений ноль, сопротивлялась чисто на ярости, какой можно было позавидовать.

Вершиной позора стало то, что кроха вырвалась, да еще отбросила воинов, те попадали, тут же вскочили, но девчонка уже стояла, затравленно согнувшись, на краю обрыва, личиком к «бандитам», в глазах пылали страх и гнев, девчонка тряслась как костер на ветру, нож вновь был приставлен к запястью.

– Стойте! Не приближайтесь! А то...

Очередная молния сверкнула совсем рядом, гром был страшный, девушка вскрикнула, подскочила, Эгорд и Витор тоже, но не от грома, а от опасения, что девчонка по неосторожности надавит лезвием слишком сильно или свалится вниз.

Но самоубийца ценой героических усилий взяла себя в руки.

– А то прыгну! Или порежусь!

Эгорд выставил ладони вперед.

– Тише!

– Не двигаемся, – сказал Витор, пригнувшись. – Видишь? Все хорошо... Не делай глупостей.

– Оставьте в покое!

– Мы не тронем...

– Убирайтесь!

– Хорошо-хорошо...

Друзья медленно отошли на пару шагов. Некоторое время троица пыхтела, Эгорд и Витор переглянулись, вслушивались в дыхание девушки, оно медленно, неохотно, но все-таки становилось глубоким и тихим.

– Лишь хотели помочь, – сказал Витор.

– Прости, что набросились, – сказал Эгорд. – У тебя был решительный вид, думали, если полезем с разговорами, можем не успеть...

– Не успеть что?! – крикнула девушка.

– Спасти тебя, – ответил Витор.

– Ты ведь хотела расстаться с жизнью...

– Я хотела не это!

– А что?

– Не ваше дело!

– Извини, но верится слабо, – сказал Эгорд. – На краю обрыва, с ножом у запястья...

– Я не хотела себя убивать! – заявила самоубийца плаксиво, но тут же подавила эти нотки.

– Тогда...

– Хотела себя поранить! Ясно?!

Лезвие от кожи отплыло, свободной рукой девушка развязала торбочку у пояса, дрожащие пальцы извлекли белый рулончик бинтов, флакончики с лекарствами.

– Вот! – сказала девушка. – Потом бы забинтовала!

– Но зачем себя ранить?

– Я... я... крови боюсь! Хотела перестать бояться...

Девушка опустила взгляд стыдливо, рука вернула лекарства и бинты в торбочку, попала со второго раза, нож тоже опустился.

- А зачем у обрыва? – спросил Эгорд.
– Высоты боюсь... хотела тоже... это... побороть...

Вид девушки становился все несчастнее, блекла с каждым мгновением, даже вроде как уменьшилась.

На кожу упали первые небесные слезы, окружил легкий перестук капель по живой зеленой мякоти, водяные бусинки заблестели и на щеках незнакомки. Ветер завывал как тоскующий по людской жизни оборотень.

- Но почему в такую погоду? – спросил Витор.
– Молний боюсь!

Девушка села, юбка расстелилась ночной тучкой, нож упал в траву, лицо спряталось в ладонях.

Эгорд и Витор в очередной раз посмотрели друг на друга, губ коснулись улыбки.

- И решила трех зайцев одним разом, – подытожил Витор шепотом.
– Возможно, зайцев больше, – предположил Эгорд.

Взгляды опять устремились на девушку, друзья подойти не спешили, но осанки были уже прямые, расслабленные.

Девушка отняла ладони от лица, пальчики стискивали складку юбки, обладательница роскошных черных волос сидела съежившись, поток воздуха играл черными пружинками, смазывал витиеватые линии дождевыми каплями, те блестели еще ярче.

– Жила дома затворницей, – начала девушка. – Родители любили, боялись выпустить за двор. Была за его пределами редко, даже вела записи, сколько, когда, какие впечатления пережила...

Вытерла покрасневший носик и продолжила:

– Мне уже двадцать три, а покидала дом лишь сорок один раз, только пять – в одиночку, да и то отходила недалеко, остальные разы с родителями. Говорили, мир полон опасностей. Воры, грабители, насильники, болезни, бродячие собаки, демоны, темные маги... Лучше сидеть дома, в покое и безопасности. Вот и сидела. Вышивала. Гуляла по саду. Но больше всего читала книжки, родители ими заваливали, просила еще и еще, ничего другого не было, миры на страницах книг заменяли жизнь за пределами дома, читала дни и ночи напролет, мечтала, и было так интересно, увлекательно, так прекрасно!..

Ее глаза аж загорелись, забыла, что под дождем, на сквозняке, а не дома у камина.

– В книжках столько приключений, столько удивительных людей, существ, столько красивых мест и событий!.. Казалось, и в жизни это есть, ведь книжки пишут те, кто много повидал, услышал, и я тоже хотела пройти через все это. Хотела приключений, верных друзей, великой любви, чтобы как в книжках, но... высунуть нос из дома боялась, родители твердили без устали: там зло. И я верила... Понимаете? Влюбилась в мир... но жутко его боялась. Боялась выйти наружу, узнать, какой на самом деле... И сейчас боюсь.

Девушка всхлипывает, лицо искажается гримаской начинающейся истерики, ладошка сердито оттирает щеки.

– А недавно родителей убили демоны. Чуть с ума не сошла, отрезвило только то, что придется жить без них, совсем одной, вести дела самостоятельно. А ведь не умею даже готовить, родители так заботились, что освобождали от любой работы по хозяйству. Но сейчас их нет... Когда поняла, что одна среди мира, о котором ничегошеньки не знаю, среди незнакомых людей, перепугалась, но страх помог собраться... Соседи помогли похоронить родителей, а я поняла: не обуздаю страхи – сведут в могилу раньше, чем демоны, разбойники, зимние холода и все, от чего пытались уберечь мама с папой...

Странная незнакомка, пока рассказывала, успокоилась. Сделала перерыв на глубокий вдох-выдох, подобрала нож, кулачок стиснул рукоятку, это, кажется, помогало девушке балансировать на ниточке рассудка.

– Выбралась из города... Знаете, никогда раньше не покидала Старг! Даже с родителями! Всегда жутко страшилась отдаляться от дома даже на несколько улиц, а выбираться за городские стены, в дикие земли... разве что в ночных кошмарах. Сама не понимаю, как удалось, помню только, по пути раз тридцать хотелось потерять сознание, особенно у городских ворот, когда говорила с привратниками, такие огромные, страшные, как железные големы из книжек!.. Но оказалась за городом и пошла наугад, боялась каждого шороха, каждой тени, в полях трава такая высокая, ужас! А еще гроза, в общем... Увидела красивое вишневое дерево на вершине холма, пошла к нему. Показалось единственным защитником, с ним не так страшно. У него и решила побороть страхи, хотя и без того переболелась столько, сколько не боялась за всю жизнь. Я ведь не запоминала обратную дорогу! Не представляю, как возвращаться! А тут еще вы!..

Пока незнакомка рассказывала, Эгорд вспоминал скорпионов. Захватывали стыд и восхищение. Он, мужчина, прошел через лабиринты смертельных передраг, его меч пролил немало крови, но перед скорпионами ноги до сих пор дрожат, а разум пошатывается в темном тумане.

А девочка, не зная жизни, боялась всего на свете, но вместо того, чтобы забиться в подвал, кинулась в бой с безоглядностью слепого берсеркера, да не на один страх – на все сразу!

– Как ваше имя, храбрая леди? – спросил Витор.

– Милита, – ответила девушка. – А «храбрая леди»... вы шутите?

В голосе была обида, агрессия зажатого в угол зверька.

– Совершенно серьезен, леди, – сказал Витор спокойно и уверенно. – Если бы храбрость можно было раздать солдатам, вашей хватило бы на армию.

– Не так страшен враг, как страх перед ним, – добавил Эгорд.

Девушка по имени Милита потупилась, взгляд увяз в траве.

– Вот как...

Затем осмелела.

– А как зовут вас?

– Я Витор, в прошлом бродячий воин, а ныне – осветленный, то есть воин, служащий Светлому Ордену. Защищаю наш славный город от тех, кого вы небезосновательно опасаетесь.

Витор галантно поклонился. Эгорд тоже.

– А я Эгорд. О себе могу сказать то же самое. Уточню лишь, что Витор – мой лучший друг и учитель. Научил держать меч, отвечать ударом на удар, никогда не отчаиваться и...

Витор хлопнул ученика по плечу.

– Не прибедайся, Эгорд. Ты же ледяной маг, да еще алхимик!

Тот усмехнулся.

– Еще учиться и учиться.

Милита более-менее отвлеклась от черных мыслей, в глазах поблескивало любопытство.

– Вот как...

Затем опять насторожилась, перед ней возник стальной клюв кухонного ножа, подрагивал, острие смотрело в сторону воинов.

– А точно не грабители и насильники?.. О них читала в книжках! Учтите, если так, не дамся! Я вас всех...

– Мы верим, о храбрая леди Милита, – сказал Витор с мягкой улыбкой. – В вашей воинственности имели честь убедиться на своих шкурах...

– Будьте уверены, впечатлены! – поддержал Эгорд. – И рисковать более не намерены.

– Но ваши опасения сейчас напрасны. Мы не грабители и не насильники, леди. Подумайте, ну зачем грабителям и насильникам узнавать имя жертвы, называть себя? Им нужно другое. Уверен, об этом тоже читали в книжках, и ради этих темных умыслов они не тратят время на разговоры.

Какое-то время девушка колебалась, неуверенно кивнула.

– Вы правы...

Нож медленно опустился, Милита чуть-чуть подалась навстречу.

– Но все равно докажите!

И обратно.

– Но как, о строгая леди? – спросил Витор.

– Не знаю...

Милита выглядела пристыженной, наверное, ей показалось, попросила глупость, растерянный взгляд метался туда-сюда, лишь бы не наткнуться на мужчин...

И задержался на вишневом древе. Голова была запрокинута, веки приопущены.

– Вон, видите?

Милита указала пальчиком.

– На самой верхушке дерева ветка особенная. На других цветы белые, а на этой слегка розовые...

– Да, о наблюдательная леди, так и есть, – подтвердил Эгорд.

– Читала в книжках, мужчины благородные совершают для дам подвиги, – сказала Милита с ноткой важности. – Достаньте для меня ту ветку, господа...

И, залившись краской, на всякий случай добавила:

– Пожалуйста...

Вновь Эгорд и Витор обменялись взорами, в друзьях расцвел добрый смех.

Витор поклонился.

– Как будет угодно леди.

– Желание леди – закон.

Эгорд размял суставы в пальцах, встал лицом к дереву, руки приподнялись как у дирижера перед симфонией, пальцы сплелись в знаки...

Руки начали плавный танец, а в голове родилась цепь образов. Воздух вокруг кистей и предплечий стал туманным, синеватым, как в лютый ночной мороз, когда вырывается из двери прогретого дома. Рукава покрылись инеем.

Рядом с вишней из земли начала расти винтовая лестница. Ледяная.

Ромбики голубоватого водяного стекла с густым звуком, чем-то средним между хрустом и звоном, бесконечно порождали друг друга, лестница наращивалась, ледяные ступени и перила, красивые как во дворце, обогнули дерево одним витком, подвели к самой макушке.

Лестница дышала холодным туманом, ветер трепал его как пышные волосы Милиты, капли дождя проходили сквозь него, падали в траву белыми горошинами. Вспышка молнии пронзила лестницу светом, он разлетелся из нее сложной и прекрасной паутиной лучей.

Громыхнуло.

Но Милита не вздрогнула, даже не заметила. В больших от удивления глазах блестели отражения ледяного шедевра.

Витор ступил на лестницу, та медленно, но верно возвышала могучую фигуру воина, каждый шаг отдавался звоном стального сапога по ледяному хрусталу.

Воин оказывался выше и выше, обошел крону, ветер колыхал серебристые складки плаща, меч в узорчатых ножнах покачивался у бедра на ремешках, взгляд был прикован к веточке с розовыми цветами.

Наконец, к ней потянулся не только взгляд, но и рука.

Хрустнуло – и Витор помахал веткой Милите, та смотрела зачарованно, на личике была солнечная улыбка.

Эгорд сделал пассы, их сопровождали молочно-синие языки холода...

Ступени с потрескиванием превратились в гладкий желоб. Витор упал в его изгиб спиной, ледяное русло стремительно понесло вниз, придавленный телом плащ скользил бесшумно.

Витор ловко приземлился рядом с Эгордом.

Тот прищелкнул пальцами, ладонь сделала отталкивающее движение. Лестница рассыпалась на ледово-снежное крошево, оно сразу же разлетелось снежными птицами, после нескольких мгновений полета ветер разметал их на хаотичные подушки снега, они улетели с каплями дождя, растворились в серой мгле.

– Давай вместе, – сказал Витор Эгорду.

– Давай.

Витор поднял ветку перед собой, Эгорд осторожно сомкнул на ней пальцы поверх кисти друга, оба зашагали к Милите, высокое облачко бело-розовых лепестков замерло под носиком обомлевшей девушки.

– Просим, леди, – сказал Витор с поклоном и улыбкой.

– Примите сей скромный дар, – поддержал Эгорд в той же манере, – в знак благих намерений.

Милита протянула пальчики, передача ветки произошла осторожно, словно хирургический акт: удалили из запуганной девичьей души опухоль страха.

Юная красавица переводила изумленный взгляд с ветки на Эгорда, с Эгорда на Витора, с того на ветку, и так по кругу. Хлопала ресничками.

Друзья смеялись.

– Ну что, о недоверчивая леди, – сказал Витор, – убедились, что в наших помыслах нет дурного?

Милита просияла.

– Да... А ведь вы, – обратилась к Эгорду, – ледяной скульптор Эгорд, верно?

– Так и есть, о догадливая леди, – усмехнулся тот.

– Делаете ледяные статуи для всего Старга! У соседей в саду есть ваши творения, такие красивые!.. Люблю снег и лед, они восхитительны, только смотрю на них зимой из окна, а так не трогаю, зимой сижу дома... боюсь отморозить кожу... Вот.

Милита потупила взор, Эгорд и Витор наблюдали с умилением.

– Но теперь знаю, вы хорошие! – сказала девушка поспешно, как в оправдание. – Вы маг, господин Эгорд, а маги, которые делают такую красоту, не могут быть злыми! А вы, господин Витор, друг господина Эгорда, тоже хороший, у добрых магов не может быть злых друзей!

Эх, подумал тогда Эгорд... «маги не могут быть злыми»... Если бы так... Вспомнились картины из детства, где в океане буйствовал спрут, ломал корабль на щепки, среди десятков людей погибала и мать Эгорда, спрутом руководил темный архимаг...

– Вам нравятся эти цветы, леди Милита? – спросил Витор.

– Конечно! Такой приятный аромат... Господа, жутко неловко, но еще просьба...

– К вашим услугам, леди Милита, – сказал Эгорд.

– Не знаю, как вернуться! Снова проходить через те ужасные ворота, говорить с теми страшными привратниками, искать дом... Буду блуждать вечность! Так и умру, на улице, или меня кто-нибудь... Не могли бы проводить?

– С удовольствием! – сказали Витор и Эгорд хором.

И рассмеялись.

Милита хихикнула.

Лицо и волосы блестели дождевой влагой, вода продолжала лить, промочила платье, ветер заглушал прочие звуки, но Милита уже не обращала внимания, лишь на вспышки и грохот небес плечи иногда отвечали дрожью.

Витор и Эгорд встали по обе стороны от девушки, каждый выставил по локтю, Милита смущенно прикрыла улыбку ладошкой, затем продела ручки, те оплели могучие треугольники мышц, как нежные вьюнки оплетают стальную ограду, троица неспешно поплыла сквозь траву вниз, скоро Зеленый Гребень и белый силуэт вишни остались далеко позади.

– О храбрая леди Милита, скажите, а чего вы *не* боитесь? – спросил Витор ласково. Милита задумалась...

– Не боюсь... читать книжки!

Воины благополучно провели спутницу через ворота и по улицам.

Милита и впрямь частенько озиралась в поисках опасности, косилась на прохожих, на каждую тень, но лишь поначалу. Воины отвлекали рассказами о своих приключениях, уж чего-чего, а этого богатства больше, чем накопленных за жизнь сокровищ, хватит заполнить толстыми книжищами целую полку, а то и шкаф.

Девушка постепенно увлеклась историями об удивительных похождениях, темные призраки страхов не могли завладеть вниманием, между ними и Милитой возник купол красочных иллюзий, Милита на ходу воображала, как Витор и Эгорд сокрушали полчища демонов, пробирались в норы гигантских муравьев за головой королевы, договаривались с гноллами о выдаче пленников за победу над вожаком, помогали герцогу покорить сердце возлюбленной...

Заслушавшуюся Милиту воины вели как псы-поводыри слепую хозяйку, даже не сразу заметила кусочек родной улицы.

– Ой, так вон же мой дом!

Прошли через дворик, скромный, но уютный, в клумбах пестрели пышные кустики с цветами. Дом двухэтажный, нижний этаж широкий, а верхний вдвое меньше, как башенка.

– Там, – сообщила Милита, – моя комната. Хотя теперь...

Погрустнела.

– Теперь... без папы с мамой весь дом мой...

Через силу встрепенулась.

– Проходите, господа, будьте как дома!

Внутри оказалось уютно, но мрачновато. Было заметно, что теперешняя хозяйка пыталась поддерживать порядок, но выходило наполовину: местами поверхности блестели как стекла, местами был налет, в некоторых цветочных горшках земля была черная от воды, а в других светлая, с трещинками. Эгорд сделал вывод, что Милита часть времени проводила в заботах о жилище, но много часов уходило на переживание горя в обнимку с подушкой, книгой и другими предметами, которые помнят прикосновения родителей.

– Располагайтесь, господа! – сказала Милита. – Этаж в вашем распоряжении... Ой, вы, наверное, проголодались! А есть нечего, да и готовить не умею, только сама и могу свою стряпню глотать, а других заставлять жестоко...

– Не волнуйтесь, леди Милита, мы...

– Сварю настойку на лепестках вишни, что вы подарили! У мамы где-то записан рецепт, готовится быстро! Я мигом...

Эгорд застрял перед книжными стеллажами.

Под звук шагов Витора, которые то удалялись, то приближались, пока тот осматривал дом, ледяной маг листал страницы, брал и возвращал на место книги одну за другой. В родительской библиотеке Милиты обнаружили не только выдумки и воспоминания, но и труды по разным областям: садоводство, целительство, кузнечное дело, погодные закономерности разных частей мира, звездная карта, язык дриад... Глава семьи был любознательным.

Милита и впрямь управилась быстро, не успел Эгорд просмотреть корешки, а юная хозяйка, в другом платье, сухом и чуть более торжественном, пригласила за стол, разлила по кружкам горячий напиток, змейки пара тянулись высоко, щекотали ноздри, Эгорд узнал аромат вишневого цвета.

Но после первого же глотка Витор и Эгорд дружно выплюнули, хорошо, фонтаны полетели в разные стороны, а могли и друг на друга.

– Что? – не поняла Милита.

Пригубила капельку.

– Ой... Соль с сахаром перепутала...
Утонула в кресле, лицо нырнуло в ладони.
– Ну вот!.. Ничего не умею... д-д-даже...
Уже плакала.
Друзья бросились утешать.

Эгорд, правда, быстро вышел из игры: прошептал несколько успокаивающих фраз, погладил раз-другой и... попятился к книжным шеренгам, позволив Витору расстараться как следует, тот очень даже не возражал. Милита свернулась шариком у него в объятиях, похныкивала, воин бормотал неспешно, но сплошным потоком, нежности лились кисельной рекой, ладонь гладила волосы, другая держала за плечико.

А Эгорд уткнулся в фолиант «Грибницы будущего» по кровельному делу авторства сразу трех выдающихся мастеров кровли.

Сия наука пригодилась удивительно быстро: крыша в доме Милиты протекала, и Эгорд с энтузиазмом взялся чинить, захватив под мышку томик «Грибниц...». Правда, часть течи устранил не как советовала книга, а как привычнее и удобнее – льдом. В итоге, крышу украсили около десятка ледяных черепиц. Витор взялся помогать девушке наводить полномасштабный порядок, Милита засуетилась с веником, шустро, как стрекоза, перелетала из одной пылевой тучки в другую, а Витор таскал ковры, забивал гвозди, усаживал хозяйку на плечи, чтобы та смогла протереть люстру...

Вечером проводили девушку до могилы родителей.

Серый лес надгробий блестел от тоскливого дождя, небо заволокло хмарью, Милита стояла перед плитами с именами папы и мамы...

Глава семейства родился на двадцать лет раньше супруги. Подумать только! Когда была размером с корзиночку, шевелила ручками из пеленок, он уже скакал на коне, сверкал доспехами, размахивал мечом... А погибли в один день, двумя неделями раньше знакомства с Милитой.

За спиной дочери возвышались Витор и Эгорд. Троица хранила молчание... Ручейки дождя скользили по зеленой ткани Милитино плаща, в руслах складок. С дерева на капюшон опустился листочек, лежал долго, но стряхнула девичья дрожь, послышались всхлипы. Витор обнял, глаза Милиты долго не хотели отпускать гранитные прямоугольники в радужном облаке цветов.

Когда вернулись в дом, Милита сказала:

– Спасибо, господа... Не знаю, что бы делала без вас...

– Ты сильная девочка, – ответил Витор серьезно. – Только сама не понимаешь. Но поверь, даже если бы нас не было, справилась бы.

– Вряд ли...

– Витор прав, – поддержал Эгорд. – Справилась бы. Через слезы, страхи, через «не могу», но все-таки. У тебя прекрасные наставники.

Эгорд похлопал по стене книжных корешков.

– Далеко не каждая девушка – даже юноша! – умеет читать, а значит, многие не могут позволить себе учителей, как у тебя. Увлекательные истории дарят мечты, а учебники подсказывают, как мечты достичь. Взять хоть меня! Махал мечом, сил море, а мозгов меньше, чем в орехе, и так почти всю жизнь, а потом стал изучать магию – и теперь легенда Старга. Горжусь ледяными скульптурами куда больше, чем сумасшедшими воинскими выходками. А учился-то по книжкам!

– А почему взяли за магию, господин Эгорд? – спросила Милита. – Книги подарили мечту?

– Не совсем книги, – замялся Эгорд с улыбкой, – но в целом права... И не нужно выкать. Просто Эгорд.

– И просто Витор, – промурлыкал друг.

Девушка хихикнула.

– Хорошо. Господа... ой, в смысле... э-э-э... друзья?

Витор кивнул, уголки губ тянулись к ушам.

– Уже лучше, – одобрил Эгорд.

– Э-э... Друзья, не могли бы остаться? По ночам особенно тоскливо, а с вами на душе будет спокойнее. У нас... то есть, у меня камин уютный, греет замечательно!

Дома у Милиты остался Витор.

Эгорд вернулся к себе, к своей библиотеке и лаборатории. Ночью в оранжевой мгле свечей колбы забурили, паровали реагентами, по стеклу стучал дождь, комната наполнилась бумажным шелестом, скрежетом письменного пера...

Эгорд был рад за друга. Еще на холме почувствовал, что Витор проникся к девочке симпатией куда глубже обычного. Чего таить, и сам влюбился, мужество и женственность в Милите переплелись в восхитительном сочетании, создание с крепким внутренним стержнем, ее борьба с собой и постоянные победы не просто были видны всегда, а излучали свет, Милита выглядела ярче, чем все вокруг.

Но Витору была нужнее, он был уже немолод. Научивший Эгорда жить, выживать и не терять человеческий облик, такое чудо, как Милита, заслужил. А Эгорд еще успеет, да и путь у него другой. Магический. Надо быть влюбленным в дело, а красивые девушки отвлекают.

С того дня Витор жил у Милиты.

Глава 5

Появление Милиты разнообразило жизнь, появилась важная цель – сделать девочку самостоятельной, помочь побороть страхи, вывести в мир, познакомить с интересными людьми, явлениями, событиями, в общем, наполнить бытие затворницы приятными сильными впечатлениями. И, конечно же, научить готовить! С этим приходилось особенно туго. Перестать бояться грозы Милите оказалось проще, чем научиться варить суп. Что ж, у всех свои недостатки.

Однако мирную жизнь тревожили участвовавшие нападения демонов.

Демоны посещали мир всегда, и продолжают посещать. Телепортируются из царства демонов. Предсказать, когда и где появится демон, нельзя. Портал может открыться на улице, в жилом доме, бывало даже, демоны застревали в стенах, что спасало окружающих. Жуткое зрелище, хотя отчасти забавное.

Эгорд был свидетелем, как демон появился около каменного строения, кончик хвоста телепортировался в недра стены, демон дергался точно бешеный пес на цепи, рычал, брызгал слюной на визжавших горожан. Эгорд успел вовремя: тварь вырвала хвост с куском стены, тот превратился в смертоносную булаву, но в следующий миг ледяной шар Эгорда превратил демона в небесно-молочную статую в шубе морозного тумана.

А однажды портал открылся в подвале Эгордова дома, демон вынырнул в помещение, но голова застряла в потолке. Бес иступленно дергался, хвост в агонии перебил много посуды, бочонков, стекла для алхимии, но через минуту-другую незваный гость задохнулся, тело обмяло.

На то, что демонов стало больше, обратили внимание не сразу, даже Светлый Орден, что ведет хронику вторжений, понял запоздало.

Число появлений демонов всегда колеблется: в одну неделю семь, в другую восемь, в третью пять, в четвертую девять, а бывает – ни одного. Баланс смещался постепенно, демон за демоном, не забывал иногда падать, и довольно низко, дабы снизить бдительность Ордена и горожан. Но в какой-то момент стало невозможно не сознавать: демоны зачастили. Посетители таверн лишь это и обсуждали, хоть уши затыкай, то же самое делали соседки через забор, пока развешивали постиранные вещи, ну а рынок – настоящий котел слухов и сплетен, словесные испарения разлетались по всему Старгу, накрывали туманом обеспокоенности, страха.

Эгорд решил проверить опасения, заглянул в архивы Светлого Ордена, осветленные имеют право с дозволения жрецов. Архивариус принес том с пометкой «Демоны», Эгорд засел за чтение... Жила надежда, что вспышка демонической напасти – случайность, все вернется в прежнее русло, но после сводок об инцидентах надежда погасла. Нападений и впрямь было больше. В списке погибших Эгорд нашел родителей Милиты. Демоны атаковали в обувной лавке, растерзали их и лавочника. Хорошо, что Милита не видела...

Как-то раз Витор и Эгорд патрулировали город, проходили мимо рынка, на окраине мелькнула фигурка Милиты, воины догнали. Милита обрадовалась, будто выкопала клад.

– А я за продуктами! Сегодня вечером будет новое блюдо, Эгорд научил, но пока секрет.

– Весь в нетерпении, – засмеялся Витор. – Буду до вечера кусать локти, обглаживать, представлять жареные бараньи ляжки.

– Жуть какая! Нет, потерпи, родной, будет гораздо вкуснее бараньих ляжек!

– Верю. С таким-то наставником...

Витор похлопал по плечу Эгорда.

– Куда уж мне! – ухмыльнулся тот. – Милита давно придумывает рецепты сама, а на меня ссылается для страховки.

Троица углубилась в рыночные дебри, настоящее болото для внимания. И денег.

Народу было как пузырей в кипятке, бурлили, растекались кто куда, за всеми не уследить, красок больше чем на маскараде, лстыивые торговцы-ораторы и придиричивые покупатели воевали за выгоду в шумной веселой тесноте. Милита жадно рассматривала прилавки, Витор любовался Милитой, а взгляд Эгорда отлавливал воров, здесь их благодатный оазис.

Проходили мимо палатки с тканями. Смуглый купец из далеких жарких краев, в богато расшитом цветастом халате, облаке тюрбана с рубином и пышным алым пером, расхваливал товар, руки плавали в широких гостеприимных жестах, речь с обворожительным акцентом изобиловала красивыми метафорами, медовой лестью в адрес потенциальных покупательниц, гурьба девушек зачарованно разглядывала, ошупывала яркие полотна, разлетались охи и ахи.

Палатку стерегли гноллы-наемники, четверо, по одному на каждый угол. В узорчатых кожаных доспехах, завернутые в синие складчатые накидки, на макушках тоже тюрбаны, синие как тучки, из них торчали высокие треугольники ушей, блестели золотые серьги, за поясами висели в ножнах крест-накрест сабли. Согнутые спины и колени покачивались, хвосты неспешно виляли, гноллы оглядывались, косились, скалились, сверкали рядами влажных зубных кинжалов, словом – бдели. Один, со шрамом через морду, делал это более сдержанно, без лишних телодвижений, другой, самый молодой, разглядывал свои лапы, голова была озадаченно наклонена вбок. Шерсть гноллов была на редкость ухоженной, шелковистой, будто людей-псов полдня купали в мыльной воде, а затем ровняли гребешками. Для гноллов опрятность совсем уж не привычна. Купец расщедрился не только на снаряжение и одежду, но и позаботился о гигиене стражей, чтобы не портили товарный вид.

Милита изучала прилавок мясной лавочки, кулачки упирались в бока, носик и прищуренный взор плыли вдоль свежего багрового товара. Толстый торговец-мясник в окровавленном фартуке дирижировал тесаком, нахваливал горки мясных деликатесов, мол, все самое свежее, только что с убоа. Милита ткнула пальчиком на бордовую горку.

– Сколько? – спросила требовательно.

– Пять серебра, – ответил торговец так, будто хвастался дешевизной.

– Сколько-сколько?!

– Пять!

– Грабеж среди бела дня!

– Печень молодой гидры, леди! А вы как хотели? Для такого лакомства пять серебра – можно сказать, даром...

– Да уже видела за три серебра, пойду лучше туда...

Милита развернулась.

– Стойте-стойте, леди! Четыре!

– Вот еще... Буду я переплачивать серебряный, когда рядом за три...

– Там наверняка обман, леди! Три серебра за печень гидры – чепуха! Вымазали чем-нибудь для вида или морок наложили и впаривают!

– Три серебра и десять медных. Больше не дам.

– Хорошо! Для такой красивой леди...

Милита вновь обернулась к прилавку, важно следила, как мясник заворачивал одну из печенок в бумагу.

Витор и Эгорд наблюдали чуть поодаль, у первого руки покоились на боках, у второго – на груди, плащи колыхались от пестрых людских потоков, хотя встречались не только люди. Витор наблюдал на любимой с умилением.

– Моя школа! – сказал довольно.

Эгорд покивал. Когда девочка в сопровождении воинов пришла на рынок впервые, не то что заговорить – в лицо торговца посмотреть не решалась, глядела в песок и камни мостовой, боялась голову поднять, тряслась.

Эгорд нахмурился.

– Витор, глянь ниже...

Рядом с Милитой крутился низкий тип в рваном сером плаще, лица не было видно под капюшоном, тип смотрел в другую сторону. Пока девушка наблюдала за действиями мясника, у ее пояса сверкнула звездочка, мешочек с деньгами упал в ладонь типа, он поспешил затеряться в толпе.

– Ямор дери!

Витор побежал в ту сторону.

Эгорд заострил внимание на мягких башмаках вора, пальцы прищелкнули. Похожий на тень силуэт почти растворился в живом лесу, но его ноги вдруг пристыли к мостовой, тип нелепо зашатался, изогнулся, руки махали, пытались удержать равновесие. Помог Витор: перчатка впиалась в запястье ручонки, что держала мешочек с добычей, вор взвыл, толпа мгновенно отпрянула, вокруг Витора и пойманного на горячем образовался кружок пустоты, взгляды устремились в центр.

Ноги вора были прикованы к мостовой ледяными наростами, белый с голубыми прожилками лед источал морозный пар.

Неудачник вылез сквозь зубы.

– Холодно!

– Ничего, сейчас нагреею, крыса! – прорычал Витор. – Будет жарко как в заднице демона!

Витор отнял мешочек с деньгами, поспешил к Милите. Та побелела от ужаса, когда обнаружила на поясе лишь обрезок веревочки, хотела от стыда провалиться, мясник вдавливал ее в землю тяжелым взглядом, мол, где деньги, соплячка, время мое тратишь, а товар пропадает!.. Но Витор появился рядом, заплатили вместе.

Эгорд подошел к вору, тот попытался вырваться из ледяных оков, но это привело к потере равновесия, вор успокоился. Эгорд сдернул с него капюшон.

– Опять ты, Таракан.

На ледяного мага снизу вверх испуганно смотрели глазенки с красными сеточками, под одним зрел, как слива, синяк, приплюснутый нос нервно принюхивался, шевелились бурые усики.

– Я же предупреждал, чтобы духу твоего в Старге не было...

– Я... меня заставили, господин Эгорд! – взмолился вор по кличке Таракан.

– Не лги.

– Я не хотел! Это... само!..

– Ну да, само в руку прилетело, – вздохнул Эгорд.

Толпа расступилась, на свободный пятачок вырвались двое стражников в доспехах, на Таракана и Эгорда уставились стальные клювы алебард.

– Что здесь творится?! – громыхнул здоровенный усатый стражник.

– Почему... – начал было второй, худощавый, с мальчишеским лицом, но, увидев Эгорда, осекся. – Господин Эгорд!

Алебарда встала смиренно, стражник поклонился.

– Ты чего? – сердито спросил первый.

Но второй пихнул его локотником в панцирь, бухнула сталь.

– Тише ты!.. Это осветленный... О, господин Витор!

Поклон в сторону подошедшего Витора, рядом ютилась Милита, дух девушки был надломлен, держался на уверенности возлюбленного.

Эгорд и Витор принялись растолковывать, что этот вот тип украл у девушки кошелек. Эгорд приказал ледяным оковам разрушиться, но теперь Таракана удерживала за шиворот могучая рука мага. Усатый страж был настроен враждебно, мол, еще надо разобраться, кто у кого украл, а молодежавый подталкивал напарника, наступал на ногу, это отдавалось громом на все прилавочное русло.

– Надо отвести куда следует, – сказал Эгорд Витору.

Усатый страж выступил вперед.

– Отведем!

Таракан со счастливой рожей потянулся к стражу, но Эгорд дернул назад.

– Нет уж.

– Что?!

Стражник стиснул алебарду до скрипа, его загородил худощавый.

– Простите, господа, он у нас недавно...

Витор хмыкнул.

– Мы поняли.

Любопытные глаза окружали пассивным рваным хороводом, воздух пронизывали галдеж и перешептывание. Худощавый спешно уводил в пучину толпы злого раскрасневшегося напарника, яростно шипел на ухо:

– ...хочешь, чтобы Светлый Орден нам яйца спалил, кретин?!

Эгорд улыбнулся, притянул вновь попытавшегося удрать Таракана, тот взвизгнул.

– А почему не отдали стражникам? – робко спросила Милита.

– С ворами заодно, – объяснил Витор, обнимая за плечи. – Воры обчищают купцов и покупателей, а стражники за долю от добычи закрывают глаза. И вмешиваются, если что не так, покрывают воров. Ну, отвели бы в темницу, подержали бы пару часов для галочки. И выпустили бы косить урожай дальше.

Эгорд тряхнул насмерть перепуганного Таракана.

– Я этой блохе давал шанс. По закону полагалось отрубить руку, бросить в тюрьму на год, но я подержал три дня, велел исчезнуть из города. Видимо, зря.

– Больше не буду, о милосердный господин Эгорд, отпустите! Уберусь за стены Старгасию же минутой!

Эгорд поволок вора, тот брыкался, извивался, даже пробовал укусить, но зубы вонзились в корку страшно холодного льда, тот, как живой хищный слизняк, мгновенно переполз в рот, Таракан завыл от боли.

Ледяной маг остановился у палатки торговца тканями.

Меж пальцев заблестела золотая монета.

– Найму на десять минут одного из твоих стражей, достопочтенный купец.

Монетка перекочевала в ладонь торговца, тот понимающе кивнул, бакшиш нырнул за пазуху.

Эгорд приблизился к гноллу со шрамом на морде.

– Эй, дружок, есть дело.

На свет появилась еще монета.

– Вон на той окраине рынка есть тюрьма. Отведи туда этого шакала. Скажи, чтобы заперли на дюжину дней, так велел Эгорд. Скажи, Эгорд проверит.

Маг сорвал с пальца вора наперсток с бритвой, что подрезала кошелек Милиты.

– И проследи, чтобы отрубили этот палец.

Глазенки Таракана стали глазищами.

– Н-не надо! Господин Эгорд, смилуйтесь! Чем буду на хлеб зарабатывать?!

Эгорд усмехнулся невесело.

– Вот, значит, как это называется...

Монета опустилась на черную ладонь-подушку, та сжалась в кулак, когти сомкнулись с лязгом. Гнолл ослабился, клыки блеснули на солнце как жемчуг.

– Могу! Сам! – пролаял наемник.

В доказательство клацнул челюстями, будто захлопнулся медвежий капкан.

– Как хочешь, – сказал Эгорд.

Хватка ослабла, плащ вора тут же оказался нанизанным на когти гнолла.

Грива оцетинилась, плечи вздулись, морда вытянулась как на охоте, человек-пес потащил отчаянно сопротивляющийся груз широкими пружинистыми шагами, народ растекался словно масло перед острием раскаленного ножа, сабли на поясе позвякивали часто, хвост вилял как у верной собаки, хозяин которой зашвырнул в кусты палку.

Позже осветленные и их спутница неспешно брели по рынку.

Милита бороздила потухшим взором истоптанные камни мощеной дороги, Витор нес корзину с покупками, обнимал за плечи, утешал, ласково твердил, какая умница, как смело разговаривала с этим страшным мясником, а что кошелек украли – со всеми бывает, не застрахован никто, тем более, на рынке.

Эгорд шагал вровень, голова была запрокинута, глаза щурились, помогало заклинание острого зрения...

Под облаками изящно летели жрецы Светлого Ордена верхом на махаонах – гигантских бабочках с желтыми крыльями в черных узорах и ярко-синих крапинах. За крыльями тянулся шлейф золотой мерцающей пыли, та растворялась в воздухе, оседала на Старг невидимым туманом, который защищал горожан от болезней, излечивал тех, кто уже болен, ускорял заживление ран. Всадники виднелись белыми, трепыхающимися как пламя на ветру силуэтами. Просторные жреческие одежды отмечены гербом Ордена – солнцем с протянутыми руками вместо лучей. Эскадрилья летела цепью.

Летуны возвращались в башню Светлого Ордена, та видна из любой точки города, даже далеко за стенами. Башня из белого камня, с гигантской резьбой, как посох для бога, на вершине – огромная световая сфера, будто солнце, но свет щадящий, как если на настоящее солнце глядеть сквозь черное стекло.

Заклинание светового щита.

Каждый жрец Светлого Ордена умеет окружать себя таким щитом. Конечно, менее мощным, соразмерным. А этот создан усилием всех жрецов, поддерживается источником энергии в его недрах. Световой щит защищает самое ценное, что есть в башне, освещает Старг ночью, внушает злодеям, что на них найдется управа.

Милита более-менее освободилась от уныния.

– А почему стражники не сидят в тюрьме, если заодно с ворами?

– Других нет, родная, – вздохнул Витор.

– А если поставить новых?

– Ты видела нового. Видела, как вора защищал? Еще не понимает, что дозволено не все. А второй здесь давно, знает, с нами и Светлым Орденом лучше не связываться, уже не наглет, закон нарушает изредка, когда совсем уж без посторонних глаз. А поставят новых – тем еще надо объяснять, чтобы не борзели, да не словами, а парой-тройкой наказаний. Трата времени. Пока дойдет, из-за них пострадают ни в чем не повинные.

Милита вздохнула.

– А нельзя поставить честных?

Витор улыбнулся печально.

– Честных мало. Везде честных не расставишь, приходится надевать такие вот красивые плащи, патрулировать огромные территории. Что успеем заметить, то исправим.

– Неужели миры, где честные и добрые все, только в книжках?..

– Еще в песнях... Да, мир далеко не совершенен... Но другого нет. Приходится работать с тем, что есть. По крупичкам, по крупичкам делать лучше, пусть не у нас, но у потомков будет шанс увидеть мир в тысячу раз прекраснее.

– Тоже хочу внести крупичку...

– Будем нести крупичку вместе. Вместе легче и веселее, правда?

Милита с улыбкой кивнула.

Шли мимо большой палатки, так отличалась мрачностью. Каркас был из ребер неведомого древнего чудовища, кости белели как гигантские сабли. Между ребрами были грубые стены чего-то черного, похожего на уголь, их пронизывали жилы, в них текла сияющая фиолетовая энергия. Распахнутые острозубые челюсти заменяли вход.

Привратником был человеческий скелет. Кости излучали фиолетовое сияние.

Напротив стоял человек в дорогой одежде, рядом двое в доспехах, с мощными мечами. Богач держал за узду коня, тот был запряжен в телегу, на ней громоздилась пирамида разноцветных сундуков. Содержимое осталось загадкой, но судя по украшениям из драгоценных металлов и камней, не менее ценное, чем сундуки. Конь фыркал, пятился, быть рядом с черной палаткой явно не нравилось. Охранники отличались только тем, что хранили внешнее спокойствие, но на лицах было написано ясно...

Богач передал узду скелету.

Тот развернул туловище к входу, рука подала сигнал.

Теперь охранники попятнулись так же, как конь, но их, в отличие от животного, удерживать было некому. Конь выбивал копытами искры, зад толкал телегу, но скелет держал запуганную гору мышц легко, будто вкопанный стальной столб.

Из темной глубины чудовищных челюстей начали рысцой выбегать... скелеты больших собак. Двойной цепью, в каждой Эгорд насчитал по шесть псов. Кошмарная дюжина была объята фиолетовым огнем.

Побледневшая Милита вжалась в Витора.

Собаки расселись шеренгой у ног скелета-привратника. Тот снял с фаланги кольцо с лиловым кристаллом, артефакт опустился в ладонь богача. У охранников подрагивали колени, выдавало звяканье доспехов.

Богач кольцо надел.

Псы-скелеты перебежали к нему, закружили вокруг нового хозяина. Тот развернулся, красный плащ хлопнул, богач напористо зашагал в направлении, противоположном пути Эгорда, Витора и Милиты.

Троица посторонилась.

Псы на бегу выстроились вокруг богача ромбом, за ними тянулся воздушный фиолетовый след, из пасть и глазниц исходили замогильные звуки, подразумевали рычание: немертвые охранники предупреждали, чтобы посторонние не смели приближаться к хозяину. Охранники же настоящие трусили следом, деморализованные ниже некуда.

Милиту пришлось уводить, переставлять ножки не могла, обмякшее тельце держалось в крепких объятиях Витора, вздутые ужасом глаза не могли отвернуться от черной палатки.

– Ш-ш-што это?!

– Лавка некромантов, родная. Идем.

– Этот скелет... некромант?

– Нет, слуга. Некромант в палатке. Хотя какая палатка... В такой крепости можно держать оборону.

Скелет завел упиравшегося коня на задний двор, тот был защищен от чужих взглядов забором – согнутым в круг хвостом чудовища. Колеса телеги поскрипывали, сундуки исчезли за огромными хвостовыми позвонками...

Эгорд прошел с друзьями несколько прилавок, со стороны двора разлетелось истошное конское ржание. Милита дернулась, как подстреленная из лука, Витор нежно стиснул.

Над костяным забором закрутился черный смерч высотой с палатку, ржание перешло в рев. Воронка осела, звуки стихли...

Со двора вышел привратник-нежить.

Рядом шел скелет коня. Лиловое сияние окутывало как густой мех, скакун не боялся, не противился. Вышагивал спокойно. Человек-нежить оседлал немертвого коня, тот встал на

дыбы, ржание было похоже на эхо. Наверное, таким же эхом отдавался вой чудовища, кости которого стали частью некромантского логова.

Горожане стали обходить палатку на большом расстоянии, Витор увел Милиту на соседний торговый ряд, Эгорд последовал за ними.

Милита пришла в себя.

– Что это было?

Витор пожал плечами.

– Сделка. Мы же на рынке.

– Сделка?

– Человек купил у некроманта сторожевых собак-нежитей. Такие собачки стоят, мягко говоря, недешево. Убить нельзя, и так мертвые, а разрушить крайне трудно. К тому же, сильнее и ловчее живых собак, легче управлять. Но Милита...

Витор развернулся к ней, ладони опустились на плечики, воин смотрел девушке в глаза.

– Пообещай, что не будешь иметь с некромантами дел.

Милита закачала головой, локоны хлестали туда-сюда.

– Что ты, любимый! Издали-то боюсь смотреть, сознание теряю, а уж покупать что-то из их рук... Да и откуда у меня столько денег?

– Все равно обещай... Некроманты страшнее демонов. Давным-давно пытались захватить мир, но потерпели поражение. Сейчас их мало, но каждый сильнее, чем десять темных архимагов!

– У нас договоренность, – вмешался Эгорд. – Они не нарушают закон, а мы не трогаем...

– Этим тварям не доверяю, – сказал Витор настойчиво. – Тогда показали истинную суть, и сейчас никуда не делась. Уверен, замышляют против мира новое зло, и однажды пожалеем, что согласились на примирение... Так ты обещаешь, Милита?

Ответить девушка не успела.

Вдалеке над лесом голов, причесок, шапок, шляп, капюшонов возник купол прозрачного красного мерцания, заплясали алые искры. Народ закричал, стал разбегаться, от мерцания пошла круговая волна опустошения. Сквозь панические голоса прорвалось рычание...

Витор выхватил из ножен меч.

– Демоны!

Милита сжалась, ладошки припали к губам, преградили путь крику, глаза расширились, в них отразилась далекая красная вспышка, так портал вспыхивает, когда демоны выпрыгивают в мир. Багровые искры разлетелись фонтаном, треснуло, словно бог наступил на молодую рожицу, демон наверняка не один.

Ладони Эгорда покрылись инеем.

– Останься с Милитой! – сказал Витору.

Эгорда понесло навстречу потоку беглецов, больно били в плечи, кого-то животный страх ослепил, врезались в Эгорда напрямую, но ледяной маг бежал против течения, будто через горный камнепад, тело в противовес ударам наклонялось вперед, ноги толкали к источнику красного сияния.

Выхватил из толпы перепуганного мужчину.

– Демонов сколько?

– Много!

Маг встряхнул за плечи, иней переполз на одежду несчастного.

– Сколько?!

– Н-не знаю!.. Трое, кажется! Пусти!

Эгорд разжал пальцы, мужчину тут же сдуло как скорлупку ореха ураганом, исчез в потоке таких же скорлупок.

Купол красного сияния осел, сузился: портал закрылся. От места появления демонов все еще отделяла живая стена горожан, по рынку разлетались звуки, смесь рычания и шипения, за ними разбегались опьяневшие от изобилия добычи демоны, Эгорд слышал череду предсмертных людских криков, его серебристые кожаные сапоги застучали чаще, шаги стали шире, камни под ними становились хрупкими, проводили пушистую сеть инея...

Эгорд вынырнул в пустое пространство, вокруг были только вещи, которые горожане в панике побросали, меж камней и утерянных покупок струились багровые ручейки, Эгорд увидел несколько трупов, над одним копошился демон.

Худое мускулистое тело блестело ярким багрянцем, словно кожу содрали, из хребта торчали кривые кинжалы гребня, зазубренный хвост извивался алой лентой, на конце сверкал лезвиями треугольник, руки и ноги дергались, рвали жертву когтями, во все стороны стреляли кровавые брызги и кусочки мяса, слышалось чавканье.

Демон обернулся.

Половиной морды была стена зубов. Свисали вязкие бордовые нити – слюна с кровью. Глазами были две узкие полоски, в них горели угли.

Тварь прыгнула, красная туша летела на Эгорда сверху, изрыгала хлопающее рычание, хвост и язык извивались бешено, очень похоже, как братья, старший и младший.

С ладони Эгорда сорвался шар снежной бури, следом тянулись снежинки, шар влетел в глотку, язык замер, превратился из красного в бело-голубой, тем же оттенком окрасились зубы и ротовая полость, язык под напором воздуха обломился...

Эгорд пригнулся.

Тело демона просвистело над головой совсем рядом, мелькнула тень, Эгорд успел заметить, что демон превратился в лед уже до пояса.

Туловище звонко разбилось о меч Витора.

Осколки разлетелись блестящими кометами, задница шмякнулись, покатились, за ней отпечатывались красные кляксы, ноги замотались в хвост, врезались в тележку, их дергала агония.

Витор стряхнул с меча кусочки талого льда.

Эгорд поднялся, Витор оглядывался с беспокойством.

– Где Милита? – спросил Эгорд.

– Не знаю...

Друг и наставник впервые выглядел растерянным, виноватым, как будто вновь стал подростком, впервые оказавшимся в настоящем сражении и наделавшим кучу ошибок. Взгляд швыряло туда-сюда в поисках Милиты.

– Нас разделила толпа, Ямор их!..

За палатками и лавочками раздались крики о помощи.

Эгорд бросился в сторону параллельного торгового ряда, усилием воли на столбах и досках в удобных для мага местах выросли ледяные блюдца, Эгорд взбежал по ним на крышу, прыжок, сапоги ударились о мостовую соседнего ряда.

Вдалеке пестрела знакомая палатка, где продавали ткани. У подножия были разбросаны окровавленные тела покупательниц. Стайка выживших девушек пряталась за стопками тканей, выложенных роскошными радужными пирамидами, девушки наперебой визжали, демон вонзил когти в спину старой женщины, та пыталась уползти, сухая морщинистая ручка тянулась к Эгорду, упала в лужу крови.

Демон зарычал в небо.

Между горами тканей и побоищем выстроилась шеренга гноллов, за ними был купец, в руке поблескивал длинный кинжал с драгоценной рукоятью.

– Товар! – кричал купец. – Защищайте товар! Чтоб ни капли крови на шелках не было, а то заставлю стирать, как прачек!

Один из гноллов бросился на демона, завязался бой. Эгорд узнал шрам на морде.

Торговец хлопнул по плечу молодого гнолла.

– Следи, чтобы эти, – ткнул кинжалом в прятавшихся за товаром девушек, – не украли, не то сам будешь шить новое!.. И защищай их!

Не безнадежен, подумал Эгорд.

Демон уже был исчерчен бордовыми порезами, на саблях гнолла отсвечивали красные мазки. Клинки продолжали танец, гнолл дрался умело, бывалый воин, устрашал рычанием, выпученными глазами, белой влажной стеной зубов, но на стороне демона были скорость и нечувствительность к боли. На раны тварь внимания не обращала, когти рассекали воздух тройными огненными дугами, хвост хлестал и колот вдвойне быстрее, словно совсем другое, но жаждущее победы демона существо, его атаки были коварны, и коварства хватило сбить гнолла с ног.

Эгорд выбросил в сторону демона руку, но в момент, когда сложенные в острие пальцы выпускали ледяное копьё, мага сшибла какая-то сила, он пролетел, врезался в нагромождения ящиков, удар о землю заставил стиснуть зубы, серебрястый плащ взмел облако пыли. Плечо жгло, одежда была разорвана тремя параллельными линиями, края пропитались красным, сочилось из глубоких царапин.

На месте, где Эгорд стоял несколько мгновений назад, рычал третий демон. Хвост выкручивал кольца как гигантский змей, рычание переходило в вой, демон дрожал от переполнявшей ярости.

Кинулся на Эгорда.

Но в полете сбило нечто фиолетовое.

Демон и сияющий лиловый шар, сцепившись, покатались кубарем, из проемов между лавками и палатками на демона набросились еще два фиолетовых сгустка, все смешалось в красно-фиолетовую кашу, рычание демона прекратилось, он обмяк, и действие замедлилось, уже не бойня, а дележка добычи.

Демона разрывали псы-нежити.

Вскоре подоспели другие собачьи скелеты в лиловом огне. Руки, ноги, хвост и голова демона разошлись по стае в первую очередь, дальше был черед туловища.

Эгорд поднялся, ладонь зажимала рану.

К пиршеству вышагивал хозяин псов, вперед тянулась рука, на пальце горел фиолетовый кристалл – кольцо. Человек управлял нежитью, подбородок был вздернут, на лице отражалось наслаждение чувством власти.

Эгорд повернул голову к палатке с тканями.

Гноллы добивали демона. Ледяное копьё все-таки попало: демон валялся в окружении гноллов без ноги, бедро заканчивалось ледяными треугольниками, свет солнца пронизывал разбросанные вокруг осколки.

Милиту нашли сжатой в комок среди бочек вина, одна была пробита хвостом демона, из нее хлестал темный ручей с малиновой пеной, винная речка перетекала дорогу шипучей змеей, Милита глядела на ее живую спину в щель между пузатыми бурными боками бочек, девушку трясло...

Витор и Эгорд осторожно извлекли, ручки и все тело были ледяные. Милита долго не могла прийти в себя, хотя на Витора тоже смотреть было жалко. Эгорд потянулся к поясной торбе с флакончиками целебных зелий, пальцы начали по форме искать бутылек успокаивающего снадобья...

– Эгорд, ты ранен? – спросила Милита.

Ее взгляд был прикован к царапинам на плече мага.

– Ерунда, – сказал Эгорд. – Такие царапины в два счета...

– Погоди...

Глаза девушки забегали, начала обрывать подол юбки.

– Милита, не нужно, лечебная мазь мигом затянет.

Эгорд приобнял за плечи.

– Не трогай!

Девушка яростно стряхнула мужские ладони.

Витор попытался взять за руку.

– Родная...

– Отстаньте!

Милита заплакала, но слезы сдерживала злая гримаска, девушка рвала кусок платья на бинты, они заматывали плечо Эгорда один за другим, узлы затягивались сердитыми рывками. Эгорд мешать не стал, Витор тоже. Эгорд и впрямь мог остановить кровь, ускорить заживление без всяких тряпок, с помощью магической мази, а светлые жрецы, прибывшие на рынок чуть позже, вылечили за несколько минут, плечо стало как новенькое. Но злomu неуклюжему Милитиному лечению не противился.

– Трусиха... – цедила девушка сквозь зубы. – Ничтожная трусиха...

– Успокойся, родная.

Витор обнял снова, Милита, не прекращая бинтовать, попыталась вырваться, но Витор не пустил. Попыталась еще, но слабее... А затем кинулась ему на шею, задрожала, Витор с готовностью спрятал в себе, гладил по волосам и спине.

– Прости! – повторяла девушка.

– Все хорошо, девочка...

Среди окровавленных тел нашлись выжившие, Эгорд занялся врачеванием. Витор и Милита помогали раненых переносить, укладывать, обмывать, за кровавыми хлопотами Милита отвлеклась от самоуничтожения. Жрецы света прибыли на махаонах, свежая, еще не растворенная в воздухе пыльца сыпалась с крыльев гигантских бабочек золотым снегом, по рынку танцевал мелодичный перезвон, светлячки впитывались в раны, края разорванной кожи срастались за минуты, те, кто был при смерти, моргали изумленно, глаза блестели ясностью. Пыльца налипла пушистой сияющей подушкой и на царапины Эгорда, скоро не осталось и следа, разве что одежду пыльца сращивать не умела.

В тот раз рынок атаковали тринадцать демонов. Эгорд и Витор убили одного, еще по одному досталось гноллам и нежити, троих убили стражники, пятеро были сожжены жрецами, одному расплющил голову рыночный кузнец – ударом молота, а еще двое пропали без вести.

То было самое массовое нападение демонов на Старг за много лет.

Но после того случая нападения пошли на спад. Почему, не знает никто. Телепортации демонов резко снизились до одного-двух – изредка трех – в неделю, а семидневки вообще без демонов стали не исключением, а нормой. Конечно, было хорошо, люди страдали и гибли реже, но с другой стороны...

Жизнь стала слишком уж безопасной.

Счастливой.

Эгорд думал об опасности меньше, перестал ее ждать, перестал быть готовым, лишь иногда в голове мелькало: надо все-таки быть бдительнее... чуть-чуть... Даже во время патрулирования куда больше занимали красоты города, формы девушек и женщин, мысли, как улучшить ледяное заклинание, куда пойти вечером с Витором и Милитой, счастливые воспоминания и мечты... И такую леность Эгорд замечал не только в себе, но и в Виторе, в стражах, горожанах, даже в светлых жрецах. Даже в Милите! Девочку, боявшуюся каждого шороха, каждой тени, нельзя было отличить от обычных горожан, жила и радовалась жизни. Прекрасно, но...

Раньше неделя с тремя демонами ощущалась как передышка, а после затишья могла основательно испортить настроение.

Безопасность избаловала.

Глава 6

– Эгорд, а бывало, что демоны не нападали вообще? – спросила Милита, когда сидели на дереве в ее саду. На ледяном дереве, его вырастил Эгорд. Зачарованный лед не таял на солнце, не обжигал холодом. Будто лазурный хрусталь.

– Нет, – ответил Эгорд. – Случались затишья в разных уголках мира, но в других местах демоны выпадали из порталов как градины из туч, эта саранча выжирала целые села, целые кварталы, вместо людей оставались громадные кровавые пятна.

– Там, где люди, всегда демоны, – изрек Витор. – Люди грешны, а демоны питаются грехами. А еще страхом и ужасом. Как вином.

Милита подтянула колени к подбородку, обняла рукой, вторая обнимала ствол дерева. Голые пяточки уперлись в берег широченного сука, воздух с высоты казался светлым океаном. Лед был теплый, нагретый солнцем.

– Страшно жить... – сказала она. – Жить, строить дом, растить детей, по крупицам что-то создавать, зная, что в любой момент может разверзнуться преисподняя, и демоны разорвут не только тебя, но и то, что с таким трудом создавал много-много лет...

Ветер колыхал ледяную листву, крона гудела подобно колоколу, но гул больше походил на массовый хруст чего-то очень мелкого. Хрустели листики и веточки, лед под напором воздуха трескался густыми белыми паутинками, но скрытая во льду магия тут же срачивала.

– В этом и есть испытание людей, – сказал Эгорд. – Так боги выдавливают из нас демоническую суть, ведь демон есть в каждом.

– Боги проверяют, кто из нас кто, – пояснил Витор. – В любой миг могут напасть демоны и все разрушить, проще не создавать, а самому стать разрушителем, как разбойники и темные маги, брать от жизни все, побольше, успеть вкушать все наслаждения, пока жизнь не оборвал очередной демон.

– Но некоторые из людей, несмотря на такие соблазны, не поддаются, – сказал Эгорд. – Продолжают строить, растить, изучать, открывать, изобретать, создавать. И каждый день сражаются со страхом. Страхом все потерять. Но побеждают, создав еще что-нибудь, хоть самую малость, пусть даже это всего лишь посаженный овощ или приколотенная к забору доска. Главное – оставаться человеком.

Витор улыбнулся.

– Как мы.

– Мы ведь не боимся демонов, верно? – подзадорил Эгорд.

Милита весело покачала головкой, пышная тучка локонов прошуршала.

– Верно, – кивнул Витор. – Ты вот, например, многому научилась, даже готовишь теперь вкусно! Чудеса, правда?

– Да уж! – согласилась Милита со смехом.

Девочка и правда научилась готовить. Эгорд приложил уйму сил, как на труднейшее заклинание или зелье, но результат все же был. Не самый лучший, но учитывая, что было в начале... В общем, ее кулинарные шедевры начали быть съедобными не только для нее самой, Витор мог не тратить время на кухне, не шататься по тавернам. Зато Милита стала пропадать на кухне, чаще ходить на рынок.

Витор, Эгорд и Милита гуляли по улицам Старга, друзья брали в патрулирование, показывали достопримечательности, водили по цветочным и кондитерским лавкам, часто гуляли за городом. Витор научил Милиту не бояться лошадей, ездить верхом, это позволило отдаляться от Старга на большие расстояния, видеть поля, леса, холмы, овраги, ручьи, реки, зеленые взгорья, каменистые горы, оттуда можно наблюдать закаты и рассветы. Приютившись на лоне природы, Витор и Милита ворковали, а еще любовались, как Эгорд на фоне солнечного

света оттачивал ледяное мастерство, рождались поразительные формы льда, на это можно, как они говорили, смотреть вечно.

Однажды воины и их маленькая муза отдыхали на балу в честь пятнадцатилетия сына герцога Дегара в его городской усадьбе, что больше похожа на дворец.

– Поверить не могу, приятель, – говорил Витор, – у тебя сын, и ему пятнадцать! А помнишь, как мы с отрядом удирали от армии Лехама? Похитили его дочку, а на привале умудрились забыть! Пришлось возвращаться, наткнулись на псов Лехама, те ее заметили и почти вернули, но мы успели, отбили – и опять деру!

– А дуреха спала в кустах, – вспоминал герцог Дегар, – даже носом не повела, разлепила веки только в седле. Вот что значит перебраться с выпивкой, ха-ха!

Вокруг плыли и кружили в танце пары благородных господ и дам, нарядные, разноцветные, особенно женщины, юбки пышные, сверкающие, как купола фонтанов, которых в бальном зале герцога аж три. Между парами важно расхаживали слуги с подносами, бокалы с шампанским исчезали, стоило пройти через людские дебри от стены до стены, хватать-хватать – и поднос голый...

Эгорд и Милита наблюдали за Витором и герцогом сквозь пары танцующих, Милита обмахивалась веером, разрисованном под крыло бабочки, кожа поблескивала крошечными бусинками, спина остужалась о колонну.

– Боишься? – спросил Эгорд.

– Побаиваюсь, – призналась Милита.

– Уже лучше. В прошлый раз тряслась, вертелась, головой крутила, как в гуще битвы с демонами, а сейчас ничего. Держишься.

– Не привыкла, вокруг столько людей, таких нарядных!

– Вот тебе бокальчик шампанского.

– Благодарю...

Милита сделала глоток. Хотела глоточек, но шипучий напиток коснулся губ, и жажда возобладала. Девушка выдохнула, веер замахал шире.

Смотрели на Витора и герцога, те продолжали со смехом извлекать из памяти свитки ярких воспоминаний.

– Как хорошо, что вы меня нашли в этом огромном мире, – сказала Милита, в голосе смешались страх и радость. – А могло и не случиться...

– Не бойся того, что в прошлом. Живи. Переживай счастливые мгновения, пока возможно.

– Люблю вас! Витор мне ближе, но и ты, Эгорд... На части разрываюсь! Ты столько для меня сделал, не меньше, чем Витор!

– Это ни к чему не обязывает. Будь с Витором. Ты нужна ему, а он тебе.

– А ты? Ты не чужой! Не удаляйся от нас из-за меня!

– Ну что ты. Конечно, буду рядом.

Эгорд улыбнулся.

– Хочешь, буду твоим старшим братом?

– Ой... Правда?

На личике Милиты тоже расцвела улыбка.

– Буду учить всему, как самый настоящий старший брат.

– Прекрасно! У меня не было братьев и сестер...

– Теперь есть.

– А я теперь младшая сестра! Ура!

– Поднимем бокалы!

Прошло четыре года, Витор и Милита поженились. Свадьба была самым грандиозным ледовым праздником из тех, что устраивал Эгорд. Выкупил площадь рядом с их домом, там

был многотысячный бал-маскарад, площадь украсил фонтан с высокой ледяной статуей Витора и Милиты, ледяные он и она обнимались, смотрели друг на друга...

А спустя год началось нашествие демонов.

Никто не был готов к столь массовой атаке, все, даже Светлый Орден, обязанный бдеть, привыкли, что демоны появлялись редко. Мир расслабился, разомлел, обрюзг...

Нашествие вошло в историю как Великая Красная Волна. Уничтожила больше половины населения всех земель, некоторые опустели вовсе.

Вождь захватчиков, демон Зарах, разорвал Витора на глазах Эгорда, Милита не вынесла смерти мужа, покончила с собой.

И Эгорд, поклявшийся никогда не брать в руки оружие, вновь надел доспехи, взял меч, отправился за смертью Зараха.

Но жажда мести переполняла не только его.

Милита стала нежитью, некроманты снабдили ее оружием и знаниями, желание отомстить за Витора изменило до неузнаваемости.

Эгорд и Милита проделали долгий путь к Зараху, обретали и теряли спутников, в итоге вождь нашествия был убит, а само нашествие остановлено, но душа Милиты, изъеденная мщением, погрузилась во мрак царства демонов. Девочка сама стала тем, с чем сражалась.

Война с демонами закончилась, Эгорд узрел смерть Зараха...

Но покой не пришел.

Жить в Старге нет сил, город напоминает о Виторе и Милите, которых больше нет. Эгорд и его друзья – Тиморис, Леарит, Клесса и Камалия – отправились за новой жизнью на остров, который Эгорд и Тиморис посетили во время похода на Зараха. На этом острове случилось много прекрасного и ужасного.

Идеальное место, чтобы начать с начала, но не забыть уроки прошлого.

Дверь открывается...

Каюту наполняет шуршание просторных белых одежд, старший жрец Халлиг похож на сгусток морской пены, длинные седые волосы текут по плечам, не понять где кончаются они и начинается ткань. На груди сияет золотой герб Светлого Ордена – солнце и руки вместо лучей. Руки самого жреца покоятся на животе, спрятаны под сомкнутыми рукавами. Мантия укрывает порог, жрец делает легкий поклон.

– Осветленный Эгорд, остров на горизонте.

Эгорд встает, ответный поклон.

– Благодарю.

– Как себя чувствуете? Последняя тренировка сильно вас измотала.

– В порядке. Быстро восстанавливать силы умею. Иначе бы не добрался до Зараха.

– Понимаю.

– Нужно надеть доспехи.

– Конечно. Буду ждать наверху.

Старший жрец Халлиг выходит.

Выспаться не получилось. Что ж, не привыкать, успеет.

За короткое время жизнь пронеслась через сознание рваной лентой воспоминаний. В Старге Эгорд и Витор частенько устраивали вечера воспоминаний: перед камином, с винными кубками, в облаках от раскуренных трубок... Каждый вечер лента памяти выходила разной, одни события всплывали в подробностях, другие проносились скороговоркой, друзья не ставили целью вспомнить что-то определенное – как получалось, так получалось. За короткий вечер все не упомнить, прожитых событий хватило бы раздать тысяче крестьян, жизнь коих скупа на новое, скучна как хмарь, повторяется изо дня в день. Вот и на сей раз что-то ожило в красках, налипло на глаза, до сих пор видно, а что-то промелькнуло...

Эгорд надевает доспехи. Хорошо быть магом, можно привести себя в порядок уже после того, как закупорился в сталь. Заклинание гигиены делает тело чистым и свежим, не нужно купаться, обтираться, просыхать, мысленное усилие – и готово! Эгорд приспособил для этого лед. Его тончайшие пленки проскальзывают под одеждой по всему телу, затем Эгорд заставляет его испариться.

Воин-маг покидает каюту вместе с белыми клубами пара.

Меч ныряет в ножны, подошвы стучат о ступени, чередой трюмов, проходов и лестниц Эгорд выбирается на палубу, в глаза вонзается дневной свет, уши затопляет пространственный шепот океана, его разбавляют крики чаек, реплики жрецов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.